

Чебуреки

ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ
ЛИНЕЙКИНА-СЫНА В КАЛОШАХ
БЕЗ ЗОНТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1969

ЧЕБУ

повесть

Рисовал
Спартак Калачев

ЮРИЙ АЛЬПЕРОВИЧ

Рекки

ИЛИ
ПОХОЖДЕНИЯ
ЛИНЕЙКИНА-СЫНА
В КАЛОШАХ БЕЗ ЗОНТИКА

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

Человека обидели

СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ, рассказанный Аленкой. Откуда у вас фамилия? Слуш-послуш! В нашем городе две достопримечательности. И чуть не появилась третья.

Об одной знают все: это калошная фабрика имени тореадора Эскамильо. Трубу фабрики, наверно, видят марсиане. Но марсиане не знают того, что известно у нас каждому мальчишке и каждой девочке. Если из трубы фабрики валит коричневый дым, значит, фабрика выполняет план. Если дым черный, план перевыполняется. Калош в магазинах будет много. Если дыма нет, не купишь мороженого. Все раскупили, потому что на фабрике выходной.

Про другую достопримечательность знают только на улице Ермушкиной, на которой мы живем. Это старик, который ходит зимой и летом в выцветшем синем плаще. Никто не знает, как его зовут по имени-отчеству. Фамилия его Чебуреки. Че-бу-ре-ки. Запомнили? Так мы его зовем, так же его дразнят дураки. Борода у него, как щетка для чистки черных ботинок. Не брился он, наверное, с тех пор, как родился. Одна нога у Чебуреки короче другой. Когда он идет, переваливаясь уткой, это действительно смешно.

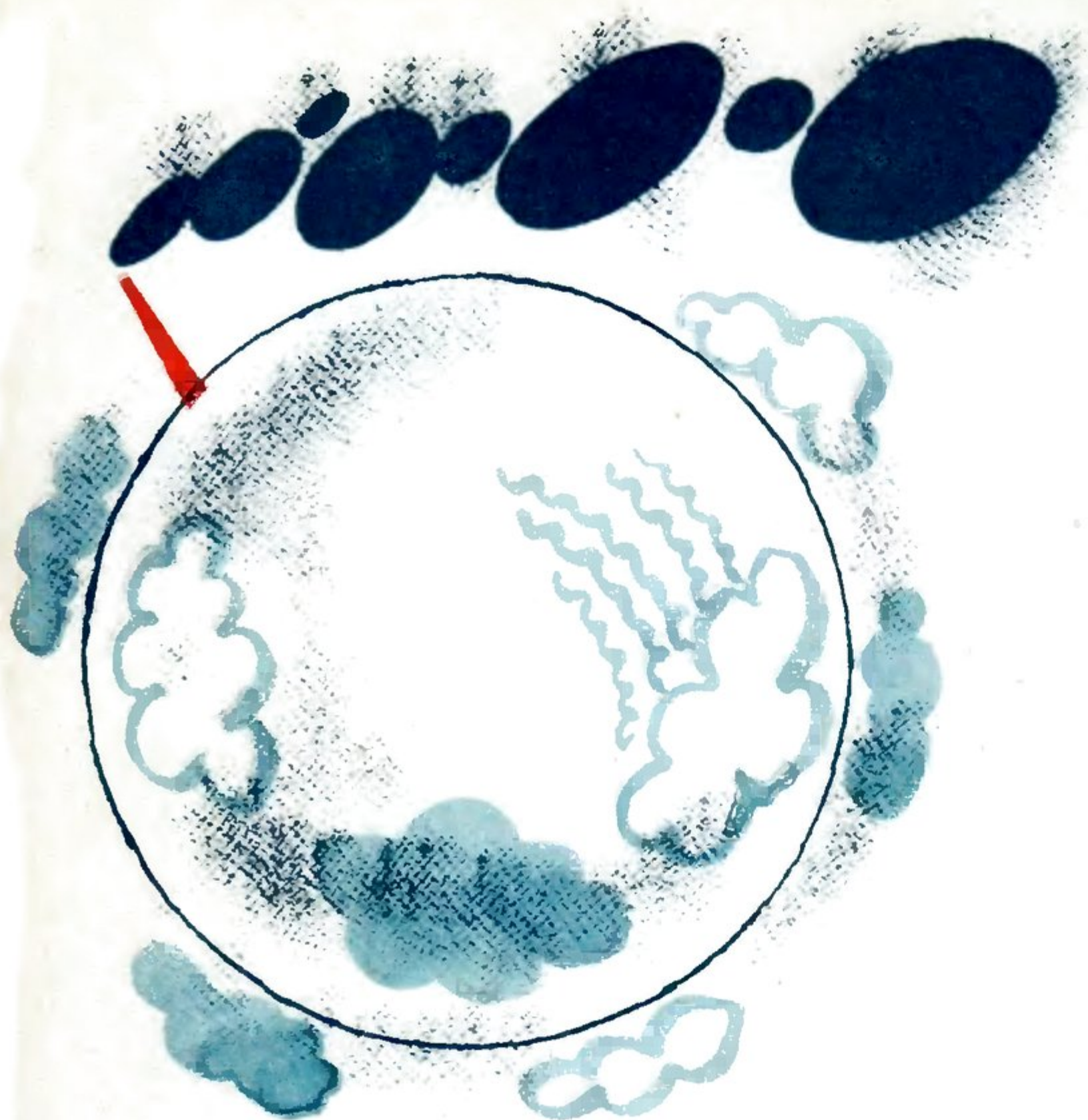
Моя бабушка говорит, что Чебуреки немножечко колдун. Но я-то знаю: он очень добрый, только стеснительный. Такой добрый, что может делать чудеса. Жалко, что в нашем городе все заняты калошами, а не чудесами.

Я давно его хотела спросить и однажды решилась:

— Дядя Чебуреки! А почему у вас такая фамилия?

— Какая такая, дочка?

— Ну, такая вкусная...

Он засмеялся и прищурился:

— Я тебе скажу по секрету, только ты никому не говори. Ладно?

— Ага!

— Ты знаешь, что такое чебуреки?

— Конечно! Такие лепешки с мясом. Мы когда с мамой летом в Крым ездили, я их много ела...

— Вот-вот! — закашлявшись, сказал Чебуреки. — Я сам, видишь ли, тоже из Крыма. Это я изобрел чебуреки.

И он подмигнул.

В общем, как-то непонятно: то ли правда, то ли шутит.

В то утро я бежала под дождиком в школу. Было очень грязно. Тротуаров в нашем городе нет, их заменяют калоши. На другой стороне улицы вижу Чебуреки.

— Здравствуйте! — крикнула я и махнула ему рукой.

Он кивнул и поманил меня пальцем. Я подбежала, и Че-

буреки молча вытащил из кармана пистолетик. Самый обыкновенный для маленьких. Но не успела я об этом подумать, как Чебуреки выстрелил прямо в меня. Чувствую, к губе у меня что-то прилипло. Попробовала на язык — леденец. Чебуреки протянул пистолетик мне и, прихрамывая, зашагал дальше.

Весь день я стреляла из пистолетика. Накормила конфетами весь класс, а они все не кончались.

— Дай пострелять! — сказал Ромка Линейкин, мой сосед по парте.

— Сломаешь!

— Дай, говорю! — и он вырвал пистолетик у меня из рук.

Что-то с ним происходит. Просто от рук отбился. Вот и сейчас. Решил посмотреть, что у пистолетика внутри. Оторвал ручку — а оттуда посыпался сахар. Больше пистолетик не стрелял. Я хотела стукнуть Ромку, но стало его жалко. Если бы я знала, что в этот самый момент начинаются события, которые взбудоражат весь наш шестой «Б» класс. Да что там класс! Всю школу, весь город, а может, и весь мир...

СЛУЧАЙ ВТОРОЙ. Сверток под мышкой. Встретив на улице Аленку и подарив ей пистолет, человек свернул к проходной калошной фабрики. Прихрамывая, шел он со свер-

ком. Вахтер дремал и не заметил человека в выцветшем синем плаще. Чебуреки даже не взглянул на скульптуру тоreadора Эскамильо. Тореадор гордо стоял с отбитым носом в каменных калошах на скверике перед фабрикой имени его самого.

Плащ человека со свертком изрядно промок, с бровей и бороды стекали капли.

Человек прошагал по длинному коридору и замедлил шаги перед дверью с надписью «Отдел самых новых калош». Он пригладил мокрую бороду, вздохнул и, тихо открыв дверь, кашлянул.

Заведующий отделом самых новых калош сидел за столом. Это был лысый старик в черном костюме и черном галстуке. Не глядя на вошедшего, он поморщился. Он не любил, когда его отрывали от размышлений, а когда наконец поднял голову, сразу стал сердитым.

— Опять ты, товарищ Чебуреки? — раздраженно сказал он, напирая на «ты». — Чего, ну чего ты ходишь без конца, отрываешь людей от работы?.. Таскаешь каждый день всякую чепуху. Калоши придумали раньше тебя, не ты первый такой умный...

Чебуреки все еще не отдышался после лестницы. Он ждал именно такой встречи и несколько не расстроился.

— Я учел мечты людей, — сказал он, сопя. — И сделал новые калоши. Смею уверить, удивительные...

Чебуреки развернул газету и поставил на стол перед носом заведующего пару черных блестящих калош.

Заведующий не раз видел на своем столе калоши — и ни капельки не удивился. Он мельком взглянул на них, сразу понял, что калоши самые обычные, и зевнул. Беда с этими чудаками! Все они не в своем уме. Ты им одно, а они тебе свое.

— Товарищ Че-бу-ре-ки! Я уже проверял твои калоши в присутствии авторитетной комиссии. — Заведующий отделом самых новых калош взглянул на портрет тоreadора Эскамильо на стене. — Прыгать до крыши в твоих калошах, как я и был уверен, нельзя... Летать тем более. Ну, что ты за человек такой? Сказок, что ли, начитался? А у нас план. Включайся ты лучше в месячник по созданию калош, в которых излечивается ревматизм. Или сделай такие, чтобы растягивались

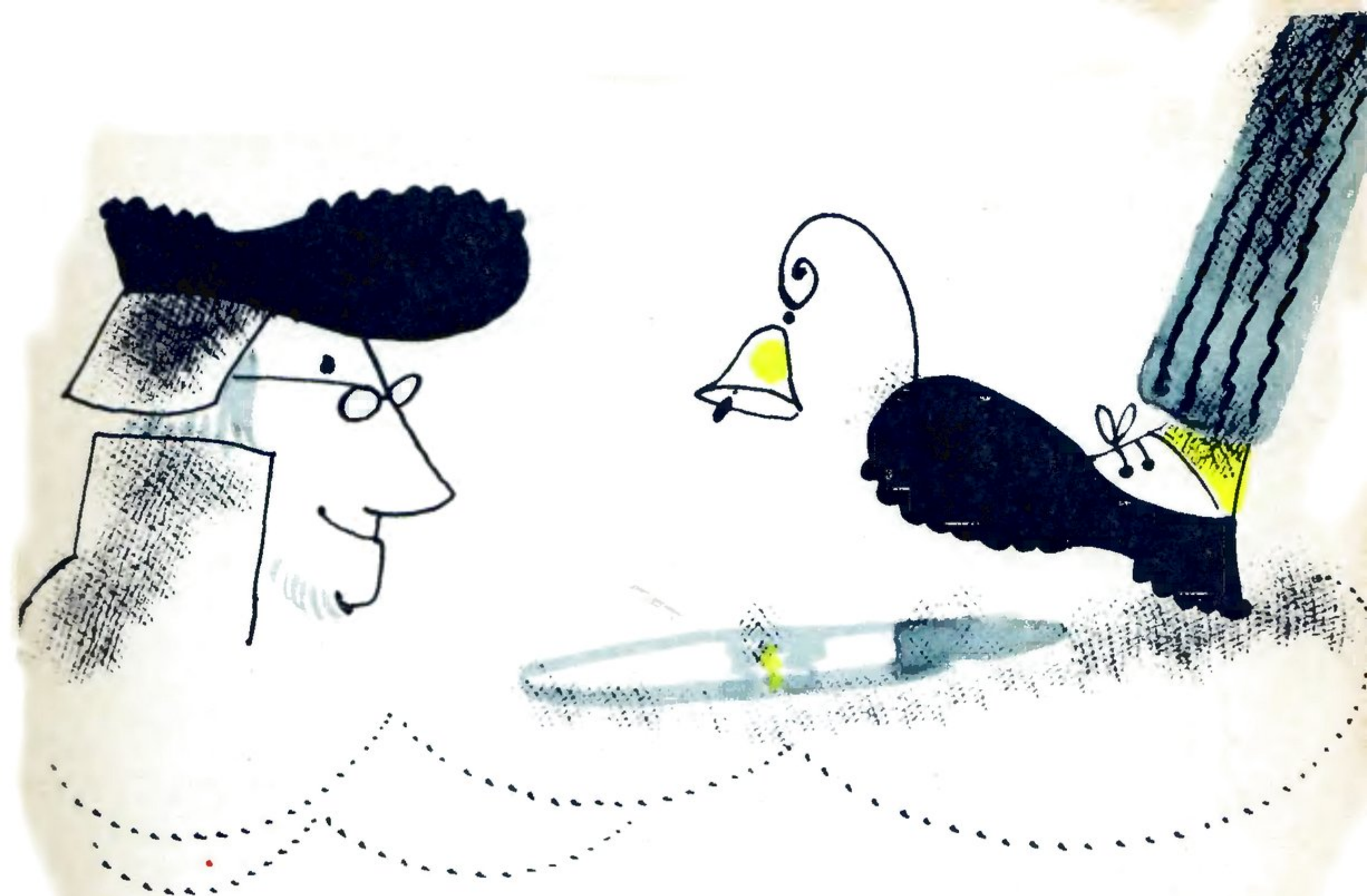

на любые ноги. Или хотя бы разноцветные для клоунов: на одну ногу красную, на другую зеленую, — из цирка заказывали. Больше будет толка! А ты все свое, ни с кем не согласованное...

Но Чебуреки не мог сделать других калош. Прыгающие калоши были шуткой гения. А хорошая шутка не рождается по заказу.

— Позвольте заметить, — как можно вежливее сказал он. — Получилось недоразумение. Калоши, которые я приносил тогда, подпрыгивали у меня дома. Честное слово, до потолка! Я сам резину для них варил в кастрюльке. Сам надевал их, передвигал пупырышки на пятках и прыгал. Я и документик представил. Помните, все мои соседи по дому подписали? Но те калоши попрыгали немного, а после перестали: резина подвела. Комиссия приехала, а они уже не прыгают. Но теперь все иначе! Можно, я сей момент продемонстрирую? Раздва — и готово!..

Чебуреки, кряхтя, нагнулся, чтобы надеть свои калоши. Но заведующего не проведешь. Он видел на своем веку калоши из бумаги, которые выдавались за вечные. Калоши из меха, которые можно вывернуть наизнанку и превратить в шапку-ушанку. И даже калоши со звонком, которые предупреждали хозяина, что впереди лужа. Сколько калош

перебывало на столе заведующего отделом самых новых калош! А фабрика выпускает всегда одни — самые простые и надежные. Подумаешь — прыгающие. Небось подбросит их и скажет, что прыгают. Поди потом докажи ему, что нет.

Заведующий устало вздохнул. Он представил себе, как придется опять созывать издалека комиссию из крупных специалистов по калошам. Они возмутятся, ведь они уже сказали один раз «нет», а их опять тревожат. И вообще: как бы побыстрее отделаться от этого назойливого Чебуреки?

Но ответил заведующий таким задумчивым голосом, как будто бы Чебуреки был его самым близким другом.

— Послушай, дорогой Чебуреки! А ты уверен, что твои калоши кто-нибудь станет носить? Ты о людях подумал?.. Люди будут падать и разбивать носы. Если все захотят передвигаться по воздуху, на небе придется вешать светофоры. К тому же лично я не хотел бы, чтобы всякие посторонние лезли

ко мне в форточку. А что будет с проходной на заводе? Все будут сигать прямо через забор, так выходит?

Ну, что за народ эти изобретатели? Сколько над ними смеются, сколько пишут об их упрямстве. А все не впрок. Никакой сознательности.

— Выходит, прыгающие калоши вообще, значит, не нужны? — обиделся Чебуреки и закашлялся. — Пускай все ходят пешком, да?

— Ну, зачем же пешком, родной ты мой изобретатель! Есть трамвай, автобус, такси... Есть, наконец, самолеты. Ты что же, дорогой, против авиации? Нехорошо!..

Нет так нет! Чебуреки сгреб со стола калоши, завернул в мятую газету и, не попрощавшись, побрел из кабинета заведующего отделом самых новых калош. Казалось, он сгорбился и прихрамывал сильнее, чем обычно.

Он спустился по лестнице на первый этаж. Полутемный коридор фабрики был пуст. За стеной гудели на разные голоса машины. Они варили, били, раскатывали, резали резину, чтобы сделать из нее обыкновенные калоши. Чебуреки подошел к открытой двери и увидел длинную ленту конвейера.

У конвейера стоял рабочий. Он вынимал из мешка ярлыки с ценой, и приклеивал к калошам. Калоши ползли на склад, — десятки, сотни, тысячи калош... Иногда рабочий брал большую лейку. Он подливал масло, чтобы подшипники, на которых полз конвейер, не скрипели громко и не мешали думать сидящему этажом выше заведующему отделом самых новых калош.

Чебуреки, прихрамывая, прошел мимо, потом остановился и почесал бороду. Он подмигнул сам себе, вернулся, вошел в дверь и осторожно огляделся. Никого, рабочий с лейкой ушел в другой конец цеха.

Чебуреки развернул сверток и аккуратно поставил свои калоши на конвейер между другими парами. Он ласково погладил их последний раз, и они поплыли. Прощайте, друзья! Будь что будет. Чебуреки вышел, а из-за двери увидел, как рабочий вернулся на свое место, запустил руку в мешок и прилепил к его калошам ярлык с ценой.

Чебуреки сунул скомканную газету в карман, получше замотал шею шарфом и быстро пошел домой. Он решил не

тратить больше времени на калоши. Пускай люди и заведующий отделом самых новых калош летают на самолетах. У Чебуреки много других забот. Давно Чебуреки собирался смастерить портфель, который сам ходит следом за хозяином, и научить резинку находить и стирать ошибки. К тому же он хотел вставить сверчка в часы, чтобы тот трещал точно через каждые четверть часа, и придумать что-то еще, гораздо более важное, чем прыгающие калоши.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ

В однокомнатной квартире Линейкиных

СЛУЧАЙ ТРЕТИЙ. Ромкина мама. У Ромкиной мамы забот полон рот, ведь никто в семье ей не помогал. Оба мужчины, приходя домой, садились за стол и, побрякивая ложками, нетерпеливо ждали, когда их накормят. Мама называла эту операцию «дать лошадям овса». Лошади, как известно, сами овса в мешки не наберут. Поэтому, идя с работы, мама очень торопилась.

Накрапывал мелкий осенний дождик. На дороге слякоть. Под фонарями висели клубы тумана. Прическа, на которую мама потратила в парикмахерской два часа, вся разлохматилась и доживала последние минуты. Есть зонтик, но поднять и раскрыть невозможно. Мама тащила две тяжелые сумки, не считая авоськи и коробки с тортом. Сегодня у Ромки день рождения: ему исполнилось ровно двенадцать с половиной. Так уж заведено у них в семье: дни рождения сына празднуют каждые полгода. Даже завидно!

А подарок! Какую-нибудь практичную и нужную вещь... Все равно купить надо обязательно, а заодно — это подарок. Ромкина мама работала счетоводом в единственном универсаме города — «Резиновый мир». В городе торговали только

резиновыми вещами. Если и продавали ботинки, то в нагрузку к ним давали обязательно калоши. И мама сразу поняла, что подарит ему калоши. Во-первых, осень. Ромка каждый день приходит в мокрых ботинках. Во-вторых, за калошами не надо стоять в очереди. В-третьих, калоши продают без нагрузки.

В универмаге мама едва протиснулась к прилавку с калошами.

У прилавка, уставленного резиновой обувью, было пусто, и молоденькая продавщица стоя дремала. Мама разбудила ее.

— Дусенька, я хочу калоши купить!..

Мама долго выбирала из совершенно одинаковых калош те, которые ей больше по душе. Нравились ей маленького размера, но такие Ромке покупать уже нельзя. Ножищи вымахали так, что скоро сын догонит отца. Мама вспомнила сына маленьким. Было немного обидно, что больше некого взять на ручки и перенести через грязь. Ох, как бы не вырос Ромка лоботрясом... Ведь дела у него в школе совсем плохие.

Посмотрев маленькие калоши, мама попросила:

— Теперь дай побольше. Во-он те, что лежат в углу...

— Брак, — сонно сказала Дуся. — Их никто не берет...

— Ничего, — упрямо возразила Ромкина мама. — Покажи.

Калоши оказались подходящего размера. Самые обыкновенные, разве что сзади у них белые пупырышки. Это даже красиво и удобно: не спутает в школе с чужими.

— Заверни, Дусенька, получше! Это сыну... — и она пошла к кассе.

Переваливаясь под тяжестью сумок, мама шла домой с подарками.

СЛУЧАЙ ЧЕТВЕРТЫЙ. Линейкин-папа. Кузьма Кузьмич сидел за столом. Несколько раз он делал «джик-джик». Так Линейкин-младший называл арифмометр. Сделал «джик-джик» и откинулся на спинку стула.

Когда ровно двенадцать с половиной лет назад родился Ромка, Кузьма Кузьмич был счастлив. Ромка — наследник лучших традиций великого рода Линейкиных. Фотография

главы рода столяра-краснодеревщика дедушки Кузьмы висела на видном месте в однокомнатной квартире Линейкиных. Дед был в косоворотке, на груди красовалась медаль за честный труд. Папа всегда говорил, что и у Ромки когда-нибудь будет такая медаль, учи он хорошо уроки.

В бухгалтерии калошной фабрики, где работал Кузьма Кузьмич, было тихо. Линеин-папа сделал еще несколько раз «джик-джик» и снова задумался о жите-быте.

Неприятности у Линеина-старшего начались недавно. Его вызвала в школу Ромкина классная руководительница и математичка. Варвара Ванна загибала пальцы: подрался — один раз, удаляли из класса — два раза, списывал алгебру два раза. На уроки опаздывает. Кроме того, читал на уроке газету — один раз. И вообще он троечник. А это без трех минут двоечник.

У папы от растерянности забегали глаза, и на щеках появились красные пятна. Вот тебе и счастье родителей, надежда семьи! Роман Кузьмич Линеин катился, как сказала учительница, по наклонной плоскости. Отец тут же представил себе эту наклонную плоскость. Она выходила из окна на втором этаже школы, где он разговаривал с учительницей, пересекала улицу и упиралась в дверь отделения милиции, что находилась на улице Ермушкиной чуть наискосок от школы. Ромка садился на наклонную плоскость и, протирая почти новые брюки, ехал туда, прямо в отделение.

— А еще недавно, — сказала Варвара Ванна, — был тихим ребенком...

— Что же мне теперь делать? — жалобно спросил папа, будто это он раз подрался и два раза списал.

Варвара Ванна доверительно нагнулась к Линеину-старшему:

— У вас есть телевизор?

Кузьма Кузьмич пораился проницательности учительницы:

— Есть! — испугался он. — Есть, есть...

— Так вот... Если хотите, чтобы ваш сын вырос человеком, — выключить! Пусть занимается...

После разговора с учительницей отец решил отказывать себе в футболе, лишь бы Ромка учился. И еще каждый вечер он начал проводить с Ромкой воспитательные беседы.

- В школе был?
- Был.
- Не дрался?
- Нет.
- Из класса не удалялся?
- Нет.
- Газету на уроке не читал?
- Нет.
- Алгебру, подлец, не списывал?
- Да нет же!

Ромка говорил истинную правду, особенно в те дни, когда алгебры не было и он списывал задание по-русскому.

— То-то!.. — успокаивался отец. — Вот погляди на дедушку: он никогда не дрался, не удалялся, не списывался. То есть я хотел сказать, не списывал. И вот, пожалуйста, — медаль за честный труд! А ты...

— Что я?..

— Гордости у тебя нет! О родителях ни шиша не думаешь...

Обидно Кузьме Кузьмичу: сын его не хватает звезд с не-

ба. Неужели и не схватит? А ведь родители ничего для ребенка не жалеют. На день рождения — всегда новые калоши. Носи на здоровье!..

Прозвенел звонок. Рабочий день на калошной фабрике кончился. Линеин-старший снял черные нарукавники, аккуратно сложил, спрятал в сейф и пошел домой. Сегодня по телевизору футбол, а у Ромки день рождения.

СЛУЧАЙ ПЯТЫЙ. Ромашка. Ромашка Линеин — человек самолюбивый и глубоко несчастный. Ну, почему все его стыдят? У тебя то, у тебя се. Ни то ни се. И мама, и папа, и Варвара Ванна, и даже Аленка — все его пилят и стругают. Да ведь он бы мог знаете что? Просто ему не везет.

Вот, пожалуйста: калоши Ромка ненавидел с пеленок. Как только начал ходить, ему стали обувать калоши. Рос он — и росли калоши. Старые сменялись новыми.

— Носи, носи! — умиленно говорила мама, поднимая к небу указательный палец. — Калоши — залог здоровья.

Ромка пошел в школу — и калоши пошли. Ромка к прия-

телям — и калоши туда. Сколько раз Ромка старался забыть их где-нибудь! Но предусмотрительные родители чернильным карандашом выводили на красной подкладке инициалы «Р. Л.», и калоши находились.

Когда Ромке становилось невмоготу и он начинал канючить, мама вставала в позу актрисы и с чувством произносила:

— Ромашка, если ты меня любишь, надень, пожалуйста, калоши!

Мама называла его так, когда хотела быть особенно ласковой. Она понимала, что ласковому слову не может противиться никто, даже собственный сын.

И Ромка надевал. Он мужественно выполнял свой сыновний долг и чувствовал себя глубоко несчастным...

В квартире раздался звонок.

— Открой скорее маме! — крикнул голодный папа.

Ромка отпер дверь и увидел маму. Он взял у нее сумки и отнес на кухню. Не отнесешь — мама будет пилить полчаса.

Мама вошла вслед за ним и поцеловала сына в ухо. Уши у Ромки торчали с детства. Мама привыкла поглаживать их и целовать, хотя это и не помогало.

— Поздравляю тебя! — сказала она.

— С чем? — осторожно спросил Ромка и стал быстро вспоминать, не натворил ли он чего в школе.

— Двенадцать с половиной! — торжественно сказала мама и загадочно улыбнулась.

На какое-то мгновение Ромка обрадовался. Про половинчатый день рождения он совсем забыл. Будет торт и будет подарок. Он сразу оглядел покупки и увидел продолговатую коробку с нарисованным ботинком. Если родители что-нибудь дарили, можно было плакать заранее. Ромка тут же скис. Не стоило труда сообразить, что это даже не ботинки, ибо ботинки ему купили две недели назад, и они до сих пор не порвались. Это, конечно же, калоши.

Папа почувствовал, что сын не очень рад подарку. Ну, конечно; молодые, они все норовят ходить без калош.

Потом они всей семьей пили в комнате (а не на кухне, как обычно) чай с тортом. Ромка съел два куса плюс три кремовых розы, и это немного скрасило день рождения. Ромка взял еще кусок, но больше не хотелось. Торту не съешь много, — это его главный изъян. Пришлось положить кусок обратно и облизать пальцы.

Папа включил телевизор и улегся на диване, но вспомнил, что смотреть его Варвара Ванна категорически запретила. Пришлось выключить. Скоро Линеikin-старший задремал. Мама принялась мыть посуду. А Ромке не сиделось дома. Он вспомнил, что ему нужно немедленно позвонить Аленке.

— Мам, я до угла, в автомат! — крикнул Ромка.

Он выскочил в коридор, надел фуражку и стал как можно быстрее открывать парадную дверь.

— Хорошо, сынок. Да не забудь обновить калоши! На улице слякоть.

У мамы был большой недостаток: она никогда ничего не забывала.

Ромка почесал ухо, и, прикусив губу, стал развязывать

бумажную веревку. Видно, продавщица была не в духе: завязала так, что и не оторвешь. Наконец, Ромка открыл коробку и выбросил на пол калоши. Они глухо шлепнулись, одна перевернулась. Привычным движением Ромка пнул калошу ботинком, и она легла, как надо.

— Может, еще не налезут, — с надеждой пробурчал он. — Всякое бывает...

СЛУЧАЙ ШЕСТОЙ. Белые пупырышки. Тут Ромка заметил, что у калош сзади белые пупырышки. Уроды какие-то. Впрочем, это даже удобно. Не надо пританцовывать полчаса, пока сядут на место. Ромка сунул ботинки в калоши, присел на корточки, взялся за пупырышки и... чуть не заорал от боли.

И вы бы, я думаю, закричали на его месте: ведь со всего размаха Ромка врезался затылком в потолок. И опять шлепнулся на пол.

Попробуйте в таком положении быстро сообразить, что произошло и как быть. И Ромка, надо отдать ему должное, не стал визжать. Он был человек сообразительный, он обдумывал ситуацию.

До того как Ромка надел калоши, он спокойно стоял на полу. Это что же, калоши с пружинами?

Теперь главное — спокойствие. Ромка еще раз прыгнул и ухватился за люстру. Уперевшись носком одной ноги в пятку другой, — стал стаскивать калоши. Когда упала вторая — он спрыгнул вниз.

— Что ты там топаешь, как слон? — строго спросил сквозь дремоту отец. — Соседи снизу придут жаловаться.

— Калоши меряю!

Если не считать шишки на затылке, все обошлось благополучно.

Ромка сидел на корточках и внимательно изучал калоши, когда мама открыла дверь кухни. Вытирая чашку полотенцем, перекинутым через плечо, мама спросила:

— Ну, Ромашка, как? В самый раз? Тебе очень нравятся?

— Как на заказ! — сказал Ромка. Папа так говорил про все: про носки, передачи по телевизору и газированную воду.

Мама вернулась на кухню, а Ромка занялся опытами. Никаких пружин не оказалось, а подошвы были мягкие. Он чуть-чуть передвигал белые пупырышки позади калош, и калоши прыгали.

Ромка выяснил, что мама понятия не имеет о том, какие она купила калоши. И решил на всякий случай пока ничего не говорить родителям. И вообще никому. Зачем всем знать про секрет калош? Мало ли что...

Ромашка почесал шишку на затылке. Она все еще ныла. Осторожно, не касаясь рычажков, он надел калоши, отворил замок и выскользнул за дверь.

Кажется, начиналась интересная жизнь.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вот это да!

СЛУЧАЙ СЕДЬМОЙ. Старший сержант Нигугушвили.
Рапорт начальнику отделения милиции Ершову:

«Я, старший сержант Нигугушвили, обходя во время дежурства улицу Ермушкиной, раскрыл нарушение общественного порядка.

Вчера, в десятом часу вечера, неизвестный гражданин маленького роста стоял на четвереньках у парадного. Проявив бдительность, старший сержант Нигугушвили скрылся в подворотне дома, где организовал пункт наблюдения.

Поднявшись с четверенок, подозрительный гражданин попытался подпрыгивать на высоту мирового рекорда, установленного Валерием Брумелем. Это указывало на признаки алкогольного применения. Когда упомянутый гражданин задел рукой сумку проходившей мимо женщины, я вышел из укрытия.

Гражданин, однако, несвоевременно заметил милицию. Он снова максимально быстро встал на четвереньки. Старший сержант Нигугушвили приблизился к нему на расстояние, необходимое для проверки документов. Однако гражданин махнул руками и побежал, подпрыгивая до второго этажа, в направлении Огородной улицы так быстро, что этого быть не может. Старший сержант Нигугушвили принял решение вести преследование.

На углу улицы Ермушкиной и Огородной улицы неизвестный укрылся в телефонной будке.

Встречный ветер и дождь мешали мне бежать, как положено работнику милиции. Когда я прибыл на угол, в телефонной будке никого не нашел.

При дальнейшем бдительном наблюдении всю ночь за улицей Ермушкиной прыгающих граждан не обнаружено.

К сему — старший сержант Нигугушвили».

Резолюция на заявлении: «Ст. серж. Нигугушвили предоставить отпуск по состоянию здоровья.

Начальник отделения милиции — Ершов».

СЛУЧАЙ ВОСЬМОЙ. Нечистая сила. Если б старший сержант Нигугушвили догнал Ромку, может, все было бы иначе. Приключение окончилось бы в отделении милиции. И все тут. Но милиционер не догнал Ромку, а тот и не подозревал о том, что за ним гнались. Как только он почувствовал, что калоши подчиняются его желанию и прыгают до крыши, он позабыл обо всем на свете.

Сперва, выйдя из парадного, Ромка шел осторожно. Калоши как калоши. Можно топтать по лужам с фонтанами брызг. Можно сильно махнуть ногой, и калоша полетит, вращаясь, чуть ли не до соседнего подъезда. Но стоит нагнуться и тронуть рычажки — будто сильные руки приподнимают Ромку, аж ветер свистит в ушах.

Линейкин три раза пропрыгал весь двор. Но во дворе, как назло, никого не было. Даже в козла не играли на столе под ржавым фонарем. Из-за дождя доминошники разбежались, ругая управдома за то, что до сих пор не сделал во дворе навес. Играл бы сам в домино — давно бы навес был.

Ромка запрыгнул на голубятню. Голуби испуганно засуетились. Оттуда перебрался на пожарную лестницу. Потом спустился на землю. Постоял, переминаясь с ноги на ногу. Делать было абсолютно нечего, и он стал прыгать на месте. Ничего себе: прыжки до третьего этажа.

Тут из подворотни показалась старушка. Линейкин нагнулся, опустил рычажки и пошел ей навстречу.

— Бабушка, сколько время?

— Небось десятый... Шел бы ты, сынок, домой. Родители, поди, с ног сбились...

— Иду, иду...

Ромка давно понял простую истину: со старшими лучше всегда согласиться, независимо от того, слушаешься или нет. Тут он нагнулся и подпрыгнул над старушкой до второго этажа.

— Господи сохрани! — запричитала она. — Сколько годов прожила... Слышать — слыхала, как святые в небо возносятся, а видеть — никогда...

И вдруг глаза ее лукаво сощурились:

— Послушай, чего ты меня, старую, пугаешь?.. Ни святые, ни черти не спрашивают, сколько времени. Они всё, всё как есть сами знают. Небось ты космонавт, а?

Эта идея Ромке понравилась. А почему бы и в самом деле не объявиться космонавтом?..

— Угадала, бабушка! Ну, я спешу... Космический приветик!..

Бабка постояла, покачала головой и побежала рассказывать соседям по кухне, как во дворе встретила живого космонавта. Очень она любила рассказывать необыкновенные истории и боялась, что ей опять не поверят.

СЛУЧАЙ ДЕВЯТЫЙ, опять рассказывает Аленка. Мы не старики. Линейкин сказал, что позвонит мне вечером, а все не звонил. Было уже поздно, я из-за него гулять не пошла, хотя давно все уроки сделала. Небось опять всякой ерундой занимался. Или день рождения праздновал. Какие уж тут уроки! Так хоть бы позвонил, знал бы, что задано.

А может, он со мной и дружит только потому, что я всегда, что задано, записываю? Просто дружить выгодно. Нет, надо к нему сходить. Все-таки день рождения. Не настоящий, а половинный, но все равно.

Я взяла с полки книжку, которую мне бабушка в прошлом году подарила. Очень хорошая книжка, подарок хоть куда. Зайду к Линейкину на минуточку, подарю и обратно.

Как назло, дождь шел. Хорошо, у меня косичек нет, а то бы промокли, не высушить, и бабушка бы до утра ворчала. На улице никого, один милиционер, да и тот бегом дежурит.

В парадном на лестнице я догнала Ромку. Он как-то странно скакал: через десять ступенек сразу.

— Слуш-послуш! Ты чего это?

— Балуюсь.

— Нет, я серьезно.

— И я...

Пока мы поднимались к нему по лестнице, он все при-
танцовывал вокруг, точно балерина.

— А что тебе подарили?

— Да так, разную ерунду...

И опять застеснялся.

А когда нам открыла Ромкина мама, я поняла почему.

— Ну, как калоши, — сразу спросила она. — Не жмут?..

А, Аленка, заходи. Торт еще не съели.

Значит, новые калоши ему подарили!

— Жмут немного, — Ромка сморщился.

Он не любит баловать родителей. А то еще решат, че-
го доброго, что перестарались, и будут держать его в черном
теле.

Но тут Ромка передумал:

— В общем-то нет, не жмут. Даже хорошо. В самый
раз...

Чего это он? Можно подумать, что он расстроится, если
их заберут. Ромкиной маме обменять вещь ничего не стоит.
Она счетоводом в универмаге «Резиновый мир» работает и
все, что угодно, обменяет. Бабушка к ней два раза прихо-
дила.

Я тогда подумала: Ромка так любит маму, что делает
вид, будто рад, что калоши ему подарили. Снял и даже в
коробку положил. А если разобраться, ну, на что нам кало-
ши? Что мы, старики какие-нибудь?

СЛУЧАЙ ДЕСЯТЫЙ. Почетный пожарник. Дом горел
как-то странно. Со всех сторон пятиэтажного небоскреба, един-
ственного в городе, из окон рвались грозные языки пламени
и валил дым. Только на верхнем этаже было тихо.

Несмотря на поздний час, любопытных собиралось все
больше. Люди выскакивали из соседних домов. Старушки
выносили пожитки. А вдруг огонь перекинется?..

— А пожарную вызвали?

— Да вызвали!..

— Что же они так долго не едут?! Спят, что ли?..

В это время на пятом этаже дома раздался крик, от
которого у всех стоящих вокруг похолодели спины: кто-то
плакал и кричал там, на верхнем этаже, выше огня.

Даже Ромка, который живет через дом, услышал этот крик и вскочил с постели. Он выглянул в окно, сразу понял, в чем дело, и стал надевать калоши.

Пока Ромка бежал по лестнице, по улице Ермушкиной прогрохотали две пожарные машины. На одной была раздвижная лестница.

— Ну что вы тащитесь?

— Еле-еле, как похоронный катафалк...

— А водички захватить не забыли?

— Тут люди погибают, а вы...

— Сейчас, сейчас, отойдите, граждане...

Пожарные начали поднимать лестницу и разматывать шланг. Лестница дотянулась до третьего этажа. Дальше не хватило. Пожарные схватились за головы.

В это время из толпы появился Ромка — в трусах и калошах на босу ногу.

— А ну, отойдите, дяденьки, — небрежно бросил он пожарным.

И не успели те удивиться, как Ромка слегка нагнулся и взмыл вверх.

Толпа замерла. Аленка, которая тоже стояла в толпе, заплакала.

Скоро у Ромки в горле запершило, и он закашлялся. Его обдало жаром и снопом искр. Вот и пятый этаж. Ромка ухватился за подоконник и исчез в окне.

— Эй, кто тут есть? Отзовись!

И услышал, что кто-то стонет.

Крадучись в темноте, он стал обходить комнаты. Дым слепил глаза.

Вот! На полу возле кровати сидел маленький мальчонка. Он ревел и тер глаза кулачками. Ромка решительно схватил его в охапку и бросился к окну. Но тут сзади раздалось мяуканье. Кошка! Надо и ее спасти. Ромка поднял кошку и выпрыгнул из окна.

— Ой, разобьется!

— Ловите!

— Держите!

Толпа редела.

Но Ромка, как ни в чем не бывало, прыгнул на траву и отдал мальчика женщине, которая тотчас подбежала к нему.

Ромка, конечно, человек скромный и хотел сразу смыться. Но не удалось. Толпа окружила его. Едва потушив пламя, пожарные выстроились в ряд и шеренгой подошли к Линейкину. Все они плакали от счастья.

— Спасибо вам, незнакомый молодой гражданин, — сказал брандмейстер, утирая огромные слезы. — Мы навечно зачислим вас в почетные пожарные нашего депо.

— Смотрите, смотрите! Это Линеякин! — шептали всем в толпе ребята. — Мы с ним в одной школе учимся. Это он!

— Ура! — кричала толпа и бросала вверх шапки.

Ромку посадили на крышу пожарной машины. Пожарные стали в почетный караул, подняв брандспойты на плечо. Процессия двинулась по улице Ермушкиной. Вдоль домов стояли люди. Поперек улицы уже висел транспарант:

«Слава борцу с огнем Роману Линейкину!»

Маленькие девочки в белых передничках подбегали на ходу к пожарной машине и подносили Линейкину букеты цветов. Ромка набирал букетов все больше и больше. Скоро уже не в силах был держать их. И тут он почему-то почувствовал, что у него замерзли ноги. Он нагнулся, чтобы посмотреть на них, и . . . проснулся.

Обеими руками он обнимал одеяло. На улице светало. На соседнем пятиэтажном доме, который недавно построили, были подтеки ржавчины с крыши, но никаких следов дыма и огня. Через улицу был перевешен совсем другой лозунг, никакого отношения непосредственно к Линейкину не имеющий.

Линеякин долго ворочался, засыпал и просыпался снова, пока наконец не пришел в себя. Ленивые его мозги еще никогда не были так перегружены мыслями. Калошам, замечательным, прыгающим калошам, о которых и не мечтал даже какой-нибудь отличник, Линеякин пока что не мог найти применения, сколько ни думал. Что же делать? И зачем человеку снятся сны? Только для расстройства.

Он отправился в школу.

— Калоши надеть не забыл? — как всегда спросила мама.

— Не забыл! Не забыл! — крикнул Ромка.

Удивилась мама, услышав столь бодрый голос. Даже не вышла в коридор проверить, не врет ли Ромка. Вот что значит удачно выбрать сыну подарок! Ох, дети, дети . . . Все

любят пофорсить в обновке. И она стала убирать со стола посуду.

А Линейки и вправду первый раз в жизни надевал калоши с удовольствием. В голове его рождались самые невероятные планы, один смелей другого. Пожар — это ерунда. Всю жизнь просидеть на пожарной каланче — мало радости. А что, если отправиться в калошах в кругосветное путешествие. Он прыгает, обгоняя поезда, над землей и в каждом городе и каждой деревне его встречают толпы радостных людей. И все говорят речи. И все кричат «ура». И газеты пишут только об одном Линейкине-сыне, больше ни о чем.

Впрочем, кругосветное путешествие лучше отложить до следующего лета. Еще не ясно, как прыгать через океаны. И потом сейчас уже холодно. Еще попадешь где-нибудь в шторм — бр-рр!..

По дороге в школу Ромка остановился. На глаза ему попала афиша на заборе, и тут он понял, что в школу идти вовсе ни к чему.

СЛУЧАЙ ОДИННАДЦАТЫЙ. Аллэ! В одном углу афиши висел человек на трапедии, держась за нее руками, в другом — ногами. Между ними летел клоун в шляпе, с тросточкой и чемоданом.

«Сегодня и ежедневно

**АКРОБАТЫ ПОД КУПОЛОМ
БРАТЯ КАРАМОРЗЕ»**

От радости Ромка подпрыгнул. Но забыл нажать рычажки на калошах, и прыжок получился не очень чтобы очень. Ромка вытащил из сумки кусок мела и, бросив сумку на землю, приписал чуть пониже афиши:

И ЛИНЕЙКИН-СЫН

Получилось совсем недурно, хотя и криво.

Ромка еще раз взгляделся в афишу, и она ему понравилась больше прежнего. В школу идти не имело никакого смысла. Со вчерашнего дня он прирожденный акробат под куполом. Это же ясно!

Мимо прогрохотал трамвай номер первый, единственный в городе. На нем было написано: «Калошная фабрика — улица Ермушкиной — Госцирк». Подхватив с земли сумку, Ромка пробежался и догнал трамвай, едва он тронулся с остановки. Из трамвая Линеин помахал девчонкам, которые торопились в школу. Староста Света Макарова шла впереди, размахивая портфелем, но замерла, когда увидела Ромку в трамвае. Она сделала огромные глаза и строго погрозила Линеину. Потом Ромка увидел Аленку и приложил палец к губам. Молчи, дескать. И укатил.

Цирк был закрыт. Линеин обошел его вокруг. Над черным входом висел смрадный запах. Пахло зверями, гнилыми яблоками и еще чем-то. Ромка потоптался и вслед за солидным заспанным дядей в роскошном клетчатом пальто шагнул в дверь.

— Доброе утро. Как спалось? — раскланялся швейцар. Это относилось явно не к Линеину.

— А тебе что, мальчик?..

Вот это ему.

— Я... мне Караморзе...

— Прямо. Они с девяти на манеже.

Пропустили! Без всяких.

Косясь по сторонам, Ромка шел по проходу.

— Па-сторонись!..

Едва Ромка успел отскочить, как два парня провезли тележку с бочкой. Впрочем, это была не бочка, а свернутый в рулон ковер.

— Здр-равствуйте! Добр-рый веч-чер! — сказал Ромке кто-то сверху.

Линеин вобрал голову в плечи и скосил глаза. Держась лапой за решетку и почесывая голову, рядом с ним сидел огромный попугай. Вот дурак, какой же сейчас вечер?

— Р-р-р! — У Ромки все внутри похолодело.

Прямо перед ним открыл огромную пасть тигр. Ромка отшатнулся. Кто его знает, вдруг клетку забыли запереть после вчерашнего представления.

Вот и манеж. Таким Ромка его никогда не видел. Полутемно, холодно, некрасиво. Какая-то странная тишина и ни одного зрителя. Нет, впрочем, сидит один зритель в спортивном костюме с гладко зачесанными назад волосами. Сидит и

смотрит куда-то вверх. Ромка тоже стал смотреть, но ничего не увидел. Только звук какой-то странный. Будто самолет далеко гудит.

— Стоп! Стоп! — захлопал вдруг в ладоши единственный зритель. — Не пойдет! Это халтура, а не ноги!

Гуденье прекратилось. Теперь Ромка увидел, что прямо на него спускается ракета. Он прижался к стене. Ракета приземлилась, и из нее вылезли двое. Кто же из них старший брат Караморзе? Старший всегда главный. А где же клоун в шляпе и с чемоданом?

— Свет! Свет давайте!

Луч прожектора осветил кусок манежа. Зритель в спортивном костюме поднялся и шагнул на барьер:

— Как вы ноги держите?! Тянуть надо!

Ромка вспомнил, зачем он пришел. И посмотрел на свои калоши. Может, сразу, без лишних слов подскочить до потолка цирка? Нет, еще рассердятся, скажут, мешаешь. Хоть бы внимание на него обратили! Ромка решился и тоже влез на барьер.

— Отойди, малыш! — сказал ему человек в спортивном костюме и помахал рукой.

Но Ромка не уходил.

— Ты это что? — удивился человек.

— Мне нужен старший брат Караморзе.

— Ну, я... А тебе чего?

Оказывается, зритель в спортивном костюме и был старший брат.

— Я хочу с вами, под куполом...

— Да ну?! Валяй! — и Караморзе засмеялся. — А ты кто?

— Я человек. Линейкин, в общем. И еще я прыгать могу.

— Да ну?! — опять удивился Караморзе. — Слышите, ребята? Он прыгать умеет.

— А что это у тебя под мышкой? — спросил другой брат в черных трусиках. Он был маленького роста, наверное, он-то и переодевался в клоуна.

— Это... — Ромка растерялся — Сумка...

— В школу, значит, идешь?..

— Иду... Но я, честное слово, летать могу. Не верите? Вот испытайте меня.

— А не боишься?
— Ей-богу, нет!..
— Подними его! — сказал старший Караморзе среднему. — Только держи покрепче.
— Куда поднять? — спросил Линеин. — Я сам могу.
Братья засмеялись.
— Ну, иди, иди сюда, если не боишься...

Делать нечего, Ромка поплелся к ракете. Огромная, серебряная, она висела над самым манежем. Ромке показали, где взяться руками. Средний брат обмакнул руки в коробочку с тальком и ухватился рядом.

— Мотор! — крикнул старший Караморзе. — Аллэ!

Ромка почувствовал, как что-то уплывает из-под ног, и изо всех сил вцепился в поручни. Ракета повернулась носом наружу и стала быстро, описывая круги, подниматься вверх. Круг... другой... третий.

— Как дела? — шепнул Ромке средний брат Караморзе.

Ромка оцепенел. Перед глазами плыли пятна от луча прожектора, голова кружилась, тошнило.

— Что же ты умеешь делать? — спросил опять Караморзе. — Ну-ка, выпрями грудь, ноги оттяни... А то висишь, как мешок с отрубями.

Ромка ничего не слышал, ног у него как будто вообще не было.

— Не надо больше... — мямлил он. — Не надо... Не надо... Пустите!..

И разжал пальцы...

Ракета опустилась. Средний Караморзе держал Ромку за шиворот, а когда отпустил, Ромка упал на опилки. Поднялся он, шатаясь, словно пьяный.

Старший Караморзе положил ему крепкие руки на плечи.

— Ну, так как же, артист? Будешь с нами выступать? Иди-ка ты знаешь куда? В школу... Да, калошу вот не забудь надеть. Пока ты летал, упала...

Ромка схватил с барьера сумку и, не обращая внимания даже на рычание тигров, побрел к выходу. Ноги заплетались.

Холодный осенний воздух зашекотал ноздри и быстро привел его в себя. В цирк Линеин не пойдет больше никогда в жизни. Даже простым зрителем.

СЛУЧАЙ ДВЕНАДЦАТЫЙ. Достань воздушный шарик.
Ромка шел по улице и репетировал ответ классной руководительнице Варваре Ванне.

— Почему ты опять опоздал, Линейкин?

— Я спешил в школу, оступился и подвернул ногу. Пришлось идти к врачу...

Хотя нет: чем глупей, тем ближе к правде. Кроме того, нужно учитывать настроение учителя.

— Линейкин, опять ты опаздываешь?!

— Я... Я не смог решить задачек и так боялся, что вы меня спросите, что сил не хватило войти.

— Где же ты был?

— Все время стоял с той стороны у двери...

Варвара Ванна страшно любит, когда ее боятся.

Ромка успокоился и стал глазеть по сторонам. Калоши, можно сказать, пропадали без дела. Ну, хоть бы случай какой подвернулся!

Навстречу шел почтальон. Это дело Ромка мог бы делать левой ногой. Прыгал бы себе с сумкой с этажа на этаж и бросал бы в форточки письма да газеты. Ну и что? Скучно!

Монтер надел на ноги стальные когти и кряхтя полез по столбу исправлять проводку. В душе у Ромки поднялось нечто злорадное. Лезь, лезь! Я бы мог без всяких твоих когтей. Только на кой мне это?..

На другой стороне улицы показался хромой старик, которого знают все в нашем городе. Это Чебуреки.

— Здравствуйте! — крикнул ему Ромка.

— Привет, привет!

Шляпа Чебуреки сама приподнялась и плюхнулась на место.

Все может сделать Чебуреки, а такие калоши, как у Ромки, ему и во сне не снились.

У самой школы в маленьком палисадничке бегала маленькая девочка. Увидев Ромку, она подбежала к заборчику, прижалась к щели и крикнула:

— Мальчик, а мальчик!

— Ну, чего тебе?

— Достань шарик, пожалуйста. Вон, на дереве запутался.

— Что ж я, по-твоему, жираф?

— А ты залезь...

Ромка совсем забыл про калоши.

Он нагнулся, нажал рычажки и прыгнул на дерево. Распутал нитку, закрутившуюся вокруг ветки, и опустился, держа в руках шарик.

— На!

Ромке стало обидно, что она ни капельки не удивилась. Как будто все так могут. Девочка подошла, и он хлопнул ее шариком по голове.

Шарик лопнул. Девочка вздрогнула, будто от выстрела, и заплакала.

— Ладно, не реви! Подумаешь, недотрога.

Он перемахнул через забор.

Сейчас Варвара Ванна спросит:

— Почему ты опоздал, Линейкин?

— Деточек занимал соседских, — скажет он. — Сироток, без отца и матери.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Еще не чемпион, но...

СЛУЧАЙ ТРИНАДЦАТЫЙ. Снимите пальто и шапки. Утром физрук Алексей Алексеич пришел в школу. В учительской за шкафом снял плащ «болонью», переоделся в зеленый с белой каемкой на шее тренировочный костюм. Поглядел в узкое старое зеркало. Причесал поредевшие волосы, пригладил ладонью белесые брови. Вышел из-за шкафа, расправив

плечи, поздоровался с Жанной Степановной, новенькой учительницей биологии, подошел к расписанию: урок в шестом «Б». Погода хорошая, ясная, придется работать во дворе на спортплощадке. Посидев немного в учительской и докурив сигарету, он пошел в класс.

Ребята недружно построились и гогоча потопали во двор. Солнышко сияло. Даже черный дым из трубы калошной фабрики не мог его закрыть.

— Алексей Алексеич! А в высоту прыгать будем?..

Последним шагал маленький крепкий парнишка с запасными тапочками в руках — Картошкин. Весь в веснушках и рыжий.

— Ну куда тебе, Картошкин, в высоту? Ты же маленького роста. Ну куда?

— А я упрямый, Алексей Алексеич...

— У тебя фактуры нет, понял? А ты — про упрямство. Учи зайца плавать!

Алексей Алексеич всем видам спорта предпочитал бег и прыжки. Показывать упражнения на снарядах — умаешься. Бросать — кто-нибудь нарочно подставит голову. А тут сиди себе на лавочке, пусть ребятки прыгают и бегают! И когда пришли во двор, он строго сказал:

— Снимите пальто и шапки. Сложите на скамейку.

— А кто не надел? — спросили из ряда

— Те не снимайте. Только не толкаться! Сегодня будем бегать.

— И прыгать, Алексей Алексеич? — спросила Света Макарова, толстая девочка, староста шестого «Б».

— Верно! Ты, Макарова, будешь записывать. Доверяю тебе свои часы и ручку.

— А секундомера нет?

— Нет, потому что не нужно!.. Предупреждаю: кто будет нарушать дисциплину, тому...

Физрук еще не знал, что он сделает тому, кто будет нарушать. Он отвернулся, выбирая место, куда бы присесть.

Со скамеечки, на которую сел Алексей Алексеич, была видна вся спортплощадка, огороженная металлической сеткой, во многих местах прорванной. Осеннее солнышко пригревало, то и дело норовя зайти за облако.

Учитель осмотрелся, поднял воротник пальто и решил не-много прикорнуть. Правда, мешали ребята из соседних дворов. Они пролезали в дыры, глазели, и громкими криками выражали свое отношение к происходящему. Попробуй тут подремли! Нужна закалка и тренировка.

Староста Света Макарова быстро разделила всех на две группы: одни прыгать, другие бегать. Сама Макарова, когда прыгала, еле отрывалась от земли. Курносый Картошкин без отдыха прыгал на месте, развивая прыгучесть. В коридоре на всех переменах он старался допрыгнуть до всех люстр в коридоре. Это ему не удавалось.

— Алексей Алексеич, — донесся до учителя обиженный голос Светы. — А Лине́йкин калош не снимает!..

Физрук недовольно скривил губы и приподнял одно веко. Поискал. Вон тот, второй справа, долговязый, нестриженный, в малиновой ковбойке и джинсах непонятного цвета — Лине́йкин. Не то Иван, не то Роман. Нет, кажется, все же Роман.

— Сними калоши, Лине́йкин, — устало велел он. И прикрыл веко.

Но его опять потревожили.

— Он не хочет снимать калош! — крикнула Света. — Говорит, у него тапочек нет, а без калош мама не велит... А у нас, вы сами говорили, вся дорожка испорчена!..

Алексей Алексеич устало сказал, не открывая глаз:

— Ладно, Макарова. Пускай Лине́йкин, как исключение, прыгает в калошах. Все!

Света махала красным галстуком, и ребята бежали пятерками. А у ямы для прыжков толкались прыгуны. Ромка степенно ходил вокруг. Он улыбался про себя, только глаза поблескивали. Что такое для Лине́йкина прыжки? Но слишком высоко тоже прыгать нельзя. А то всё узнают.

Планку поставили еще выше. Картошкин вместо трех раз уже прыгнул четырнадцать, и все без толку.

Потом кто-то пошутил: поднял планку на метр восемьдесят пять сантиметров. Просто выше не хватило стоек. Кто прыгнет? Ребята стояли и смеялись. Картошкин почесал спину. На такую высоту он обязательно допрыгнет когда-нибудь. Обязательно!

СЛУЧАЙ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ, с точки зрения Аленки.
Не верь глазам своим. Только тут я почувствовала: что-то с Линейкиным произошло. Ромка, наверное, возмужал.

— А ну, отойдите! — крикнул он. — Попробуем!

Все захохотали еще громче и разошлись в стороны, чтобы еще посмеяться, когда Линейкин собьет планку и свалится в песок. Тоже, нашелся пижон! Выше Картошкина хочет прыгнуть!

Только я не смеялась. Слуш-послуш! Мне очень хотелось, чтобы Ромка сделал что-нибудь лучше других. Я только помню, что глаза закрыла, когда он прыгал. А после все заорали.

Вижу, Ромка лежит в песке, а планка на своем месте. Не упала.

Все кричали и кричали. Никто в классе не помнил, чтобы Ромка хорошо прыгал. Но факт остается фактом. Такого в нашем шестом «Б» не бывало...

Получилась на яме целая куча мала. Все к нему бежали, требовали повторить. Ромка отошел вразвалочку и прыгнул еще раз.

Ребята у нас всегда орут на физкультуре. Учитель не обратил на крики никакого внимания. Он дремал, как всегда.

— Линейкин прыгнул на метр восемьдесят пять, Алексей Алексеич! — гордо сообщила Света Макарова.

— Молодец, — пробурчал он, не открывая глаз.

Наверное, не расслышал. А Макаровой хотелось похвастаться нашим классом.

— Метр восемьдесят пять!..

— Ты что, сосчитать не можешь? Пускай еще раз прыгнет.

Линейкин прыгнул еще раз. Физрук почесал затылок и вскочил.

По-моему, он нас не уважает. Никогда серьезно не относится. Тоже спортсмены — шестиклассники! Небось врет староста или спутала гвоздь с панихидой. В шестом классе еще небось и не понимают, что такое сантиметр. А может, ночью стойки отпилили на дрова?

Физрук подошел к стойкам и встал возле них. У него рост метр восемьдесят, это все наши ребята знают. А стойки

выше его. Он вдруг так удивился, что не нашелся, что сказать, и только глотнул воздуха.

— Линейкин! Поди сюда! — наконец позвал он.

Ромка подошел.

— Третий раз прыгнешь? Не устал? Я лично проверю.

— Прыгну!

Линейкин улыбался во весь рот.

— Валяй!..

Ромка слегка присел и начал разбегаться. Слуш-послуш! Смешно так! Скачет, будто козел за сеном.

Мы столпились вокруг. А Ромка опять прыгнул. Глаза у Алексея Алексеича заблестели. Это самая большая высота, какую только можно у нас на стойках поставить. Физрук снова почесал затылок. Ребята шумели, хлопали Ромку по плечу. Потом Алексей Алексеич спросил:

— Линеikin, в спортшколе занимаешься?

— Не-ет.

— А родители спортом интересуются?

— Очень! — сказал Ромка. — Если футбол, папу от телевизора не оторвешь.

— Да не в том смысле, — похлопал его по плечу Алексей Алексеич. — После уроков, — торжественно добавил он, — зайдешь ко мне в учительскую. Потолкуем...

Я скормила Ромке весь завтрак, что бабушка дала, — конфеты, яблоко. Ему, слуш-послуш, поправляться надо.

Остальные уроки в этот день прошли кое-как. Не класс, а базар. Учителя пожимали плечами, возмущались. Но так и не смогли нас успокоить.

СЛУЧАЙ ПЯТНАДЦАТЫЙ. Телевизор включать нельзя. Вернувшись с фабрики домой, Кузьма Кузьмич, предвкушая удовольствие, уселся к телевизору. И... опять вспомнил, что включать его нельзя. Может, в виде исключения? Одним глазком? Нет! Против педагогики не пойдешь.

Вот уже несколько дней он ощущал себя человеком, у которого связали руки. Сидел, не зная, чем заняться. И тут услышал, что Ромка позади него что-то бормочет.

Он каждый день приходит в класс
И скромно ходит среди нас.
Ну, угадайте, кто же он?
Роман Линеikin — чемпион!

— Кто это — Роман Линеikin? — спросил отец. — Какой еще чемпион?..

Ромка мгновенно раздулся, как на дрожжах.

За последние дни он привык к тому, что всех удивлял. Он чувствовал себя, как воздушный шарик на ниточке: вот-вот

улетит в небо. Приятно, ах, как приятно быть великим человеком!.. Что же он сделал великого? Он прыгает выше всех в школе. Скажете, заслуга не его, а калош? А кто, собственно говоря, открыл тайну калош? За одно это Роману Линейкину нужно поставить памятник. На клумбе перед школой. Так что стихи в классной стенгазете — это так... детский лепет. Но все же приятно.

Когда Ромка закрывал глаза, он видел себя в лентах, увешанных золотыми медалями. А на голове лавровый венок. Ромка никогда не видел лаврового венка, и он ему представлялся в виде сковородки без ручки.

Ромка с выражением сызнава прочитал отцу стихи, напирая на отдельные, особо важные, на его взгляд, слова «скромно», «Линейкин», «чемпион».

Отец и сын стояли друг перед другом и молчали.

В течение нескольких минут Ромка, не в силах больше сдерживаться, выложил все. О том, что он уже чемпион школы по прыжкам в высоту, что сам физрук Алексей Алексеич лично тренирует его, что у Ромки хорошая фактура.

Линейкин-папа не знал, что такое фактура, но при сыне боялся показать себя невеждой и не спросил. И фактура, конечно, пригодится, но главное, род Линейкиных получает свое законченное выражение в чемпионе.

В Линейкине-папе вдруг всплыли все юношеские мечты. Нет, не зря он возлагал надежды на сына!

Как только пришла мама, состоялось расширенное заседание семейного совета. Удивить маму двум мужчинам уже не составляло труда. На заседании чемпион не забыл заявить, что теперь ему необходимо как можно больше мороженого. В нем очень ценные питательные вещества.

Но скоро Ромке заседать надоело. Он прервал совещание и сказал, что ему необходимо проветриться.

— Может, калоши наденешь? — робко спросил папа и посмотрел на маму, ища поддержки. — А то еще ноги простудишь...

— Пожалуй, не надену, — подчеркнуто-небрежно бросил Ромка. — Во дворе сухо, и вообще...

И хлопнул дверью.

Родители не посмели перечить. А Ромка в последние дни

избегал вспоминать о калошах. От этого почему-то портилось настроение.

Папа и мама после ухода Ромки молчали. Мама думала о завтрашнем дне. Утром приходит она в свой универмаг «Резиновый мир» и небрежно бросает сослуживцам:

— Слыхали? Мой-то Ромочка — чемпион... Физические данные — это у него от отца. От меня тоже, конечно, но больше от отца... Да! Тренер так и сказал ему: «У вас, дорогой Рома, великолепная фактура. Поблагодарите от меня родителей, вырастивших такого чемпиона!»

Папа тоже сидел задумчивый. Забыл даже про телевизор, мечтал. Придет он завтра на работу. Покурит, сядет за арифмометр, сделает «джик-джик»... Потом обернется и бросит соседу-бухгалтеру:

— Сынок-то у меня — чемпион...

— Да ну?! В газете, что ль, писали?..

— Еще не писали, но скоро небось будут писать... Для прыгуна, знаешь, что главное? Хорошая фактура, понял?!

— А с чем ее едят, эту фактуру?

— Фактуру?.. Ну, мил-человек... Фактура — это же самое главное, понял? И она у нас есть.

— Слушай, а как у него с отметками? — спросит сосед. — Было вроде неважно...

— Было! — скажет Кузьма Кузьмич. — Теперь не до этого, понял? И вообще, я тебе так скажу. Если телевизор не включать, дети будут отличниками. Педагогика — наука хитрая.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЯТОЕ

Завертелось, закружилось

СЛУЧАЙ ШЕСТНАДЦАТЫЙ. Света Макарова. Шестой «Б» был класс как класс, не хуже других, пока Ромка Линейкин не стал чемпионом. Больше всего дел сразу свалилось на старосту.

В старосты Свету выбрали недавно, и она очень старалась. На собрании Варвара Ванна сказала:

— На должность старосты в вашем классе больше всего подходит Макарова. Она почти отличница, никогда не опаздывает и всегда в курсе того, что происходит в классе. Все ее знаете?

— Все!

— Вот и прекрасно. Проголосуем? Кто «за»? Все поднимите руки.

Классная руководительница вписала в журнал: староста Макарова, и ребята тем временем голосовали.

Первой подняла руку отличница Мила, соседка Светы, чтобы не обидеть подругу. За ней поднялось еще несколько рук. Ведь учительница же ясно сказала: поднимите руки. А Варвара Ванна уже перешла к перевыборам санитара и казначея.

С тех пор Света изо всех сил стала подражать Варваре Ванне. Света подходила к кому-нибудь, упирала палец в парту и вращала им. Глядя куда-то в сторону, она сухо сообщала: двойки получать плохо или дергать за косы нельзя. Линеikin, ты опять списываешь? Варвара Ванна, входя в класс, отдавала Свете журнал и после ответа ученика говорила:

«Макарова, поставь «три»!» Или: «Макарова, поставь «два»!»

И если кто-нибудь ей шептал сзади: «Макарова, поставь «ноль»!» — она, не поворачивая головы, показывала пальцем и громко говорила:

— Варвара Ванна, она подрывает дисциплину!

И аккуратно выводила в клеточке «три» или «два».

Когда Света слышала, что в учительской говорили о Линеикине, она поняла, что это человек особенный. Он — надежда школы, и все должны им гордиться. И Макарова в списке класса против Линеикина поставила плюс и принялась гордиться.

Сперва в классе появилась стенгазета со стихами, помните? Теми самыми, о которых Ромка гордо сообщил отцу. Потом повесили лозунг, который сочинила Света и одобрила сама Варвара Ванна: «Все, как один, поможем Линеикину добиться новых рекордов!» А потом... Потом Макарова, ко-

торая раньше стыдила Линейкина за тройки, стала давать ему списывать! Сама приходила и предлагала.

Тихая Аленка, которая давно сидела с Линейкиным на одной парте, подошла к Макаровой и сказала:

— Не давай Линейкину тетрадей, а то он совсем заленится...

Макарова возмутилась:

— Как ты можешь так говорить?! Линейкин ради нас всех борется, честь нашу защищает, а ты?.. Процент отличников у нас и без него высокий, а спортсменов нет. Сейчас главное рекорды. И мы все, как один, должны...

В душе Аленка не согласилась. Но она не умела спорить. И была стеснительной. Она знала, что теперь Ромка уроков совсем не делает, а отметки у него стали лучше. Несколько дней Линейкин потел на переменах, списывал.

Как-то Макарова сказала:

— Ромочка, тебе на переменах отдыхать надо, разминаться. А ты сидишь, потеешь... Ребята, у кого почерк похож на линейкинский? Помогите ему списывать.

Теперь Линейкин на перемене разминался. А отличница Мила списывала в его тетрадь домашнее задание у самой себя.

Но и это Ромке надоело. Тетрадки надо в школу носить...

Подойдет к Макаровой и тихо скажет:

— Я до ночи прыжок отрабатывал и все такое... Алгебру не успел приготовить.

Света бегом к Алексею Алексеичу:

— Линейкин до ночи прыжок отрабатывал. Гордость класса и все такое... Алгебру не успел приготовить...

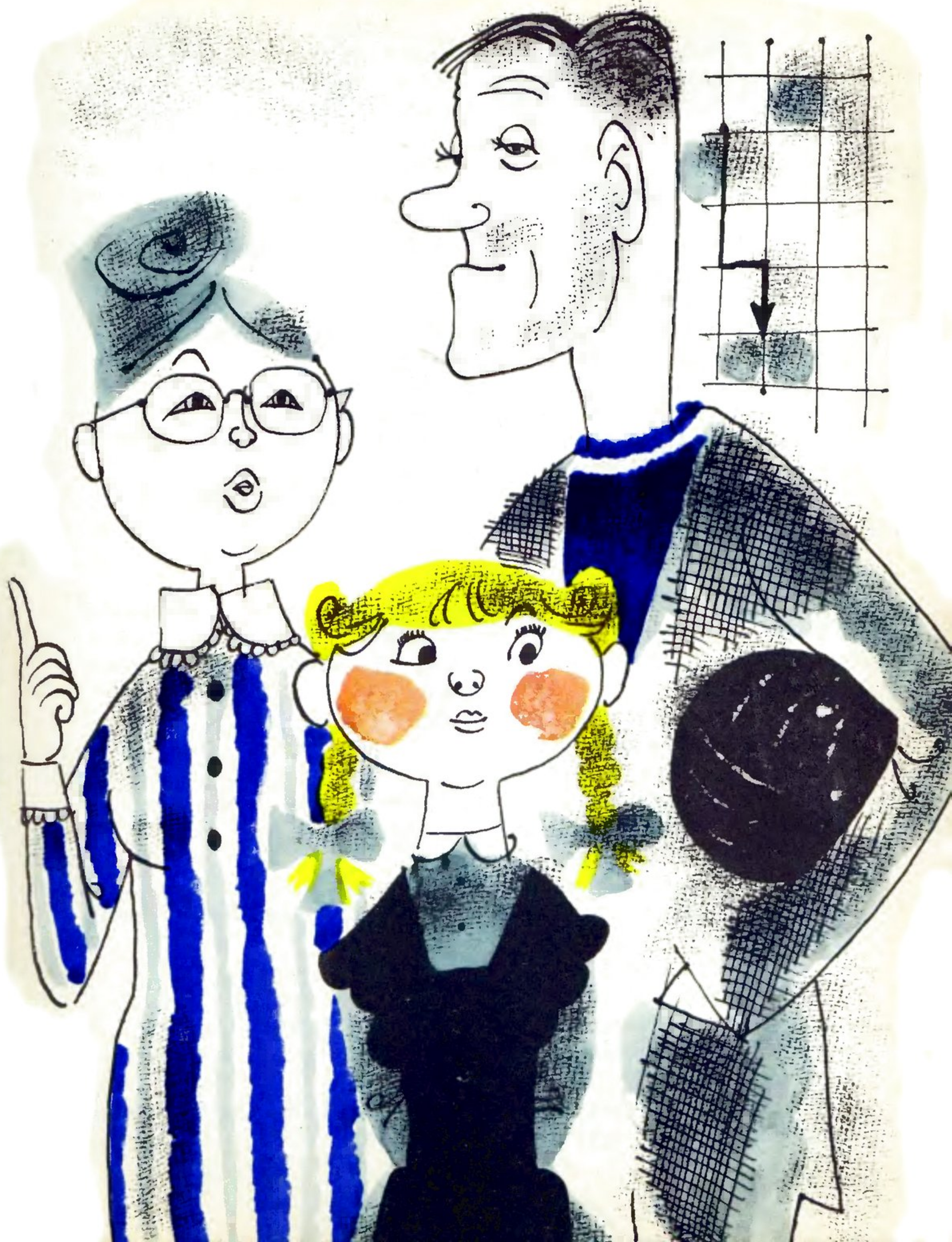
Физрук кивнет, подойдет в учительской к математичке и на ухо:

— Линейкин до ночи прыжок отрабатывал, гордость школы, герой и все такое. В интересах класса... Алгебру не успел приготовить...

Варвара Ванна только понимающе кивает головой.

А если контрольная, Аленку отсаживают на заднюю парту, и с Линейкиным садится Макарова. Мало ли что? Вдруг у чемпиона возникнут затруднения в решении.

Только учительница биологии Жанна Степановна над Линейкиным смеется.

— У тебя, — говорит, — Линеин, ноги голову съедают. Это, навроно, потому, что она в школе недавно и еще не полюбила ее всей душой. В этом всезнающая Света не сомневалась.

А больше всего старосту возмущало, что в классе находились ребята, которые не болеют за Линеина. Вот хоть Бацилла. Макарова его спрашивает:

— Завтра пойдешь на стадион болеть за школу?

— Линеин, что ль, прыгает?

— Конечно!

— Что мне там делать? Я лучше в кино пойду.

Макарова возмущенно спрашивает:

— Выходит, ты не патриот своего класса?

— Нет! — бесстыдно отвечает Бацилла.

Видите! Ему наплевать даже на честь класса. Учится плохо, так хоть бы болел хорошо, не позорил школу!..

У старосты забот уйма. Побудьте старостой, раньше со-старитесь.

СЛУЧАЙ СЕМНАДЦАТЫЙ, рассказанный Аленкой.
Жанна Степановна — не наш человек. Новенькая учительница Жанна Степановна на уроке биологии вызвала Ромку и говорит:

— Линеин, расскажи устройство клетки.

Линеин молчит, не знает.

Она говорит:

— Буду тебя каждый день спрашивать. Хочу, чтоб ты знал столько же, сколько я.

Все стали перемигиваться.

Староста Макарова встает и говорит:

— Линеин, это Жанна Степановна шутит. Ты, главное, тренируйся.

А Жанна Степановна отвечает Свете:

— У тебя, Макарова, нет чувства юмора. Сейчас я вовсе не шучу. Почему Картошкин и спортом занимается, и учится? Учти, Линеин, долби биологию на полную катушку.

Да, так она говорит. Она человек свой. Жанна Степановна, когда смеется, чуть не плачет от смеха. Смех — это у нее

2

2

2

2

ЧЕМПИОН

есть. Она и на уроке иногда так расхохочется над какой-нибудь глупостью, что сразу хочется стать умным. С ней и на биологии не соскучишься. Она маленькая, как школьница, а когда думает, глядит на потолок, будто там что-нибудь написано.

В общем, через пять дней в журнале у Линейкина стояли по биологии четыре двойки подряд. Варвара Ванна сказала, что Жанна Степановна подрывает ее авторитет как классного руководителя. А о чести школы пусть с ней говорит директор.

— Кто мешает Линейкину, тот мешает классу, — добавила Варвара Ванна.

— Человек, который не знает, что такое «ген», позорит школу, — сказала Жанна Степановна. — И дело не в двойках.

— Но ведь он один борется за всех нас на стадионе, — возразила Варвара Ванна. — Он старается, чтобы о нашей школе шла добрая молва везде.

— Ну и молва. В школе учится человек: ноги есть, а голова — тю-тю.

— Жанна Степановна, прошу вас при детях не говорить «тю-тю». И вообще, продолжим разговор у директора.

А на другой день Макарова вбежала в класс на перемене и победно крикнула:

— Ну, я говорила! Варвара Ванна знаете что сказала? Жанна Степановна — не наш человек. Вот! Она мешает общему делу. Только молчите, этого никто не знает.

СЛУЧАЙ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ. Влад Жеребенко. Наша газета уже рассказывала читателям об удивительных успехах юного самородка — легкоатлета Романа Линейкина. Корреспондент Влад Жеребенко побывал в школе, где учится будущий олимпиец, и у него дома. Читайте наш репортаж, который называется

ШЕСТИКЛАССНЫЙ ПРЫГУН

Шагая то левой, то правой ногой, я иду к серому школьному зданию из красного кирпича. Вот кабинет директора. День и ночь директор школы думает о том, чтобы ро-

сли успехи чемпиона. Вот учительская. Когда звенит звонок, отсюда выбегают учителя, чтобы щедрой рукой отдать крупницы знаний чемпиону.

Пока звонок не звенит, заходим в учительскую. Физкультурник Алексей Алексеич встречает нас рассказом о спортивных удачах Линейкина.

— Тренировка есть тренировка, — улыбаясь, говорит он. — И она делает свое дело!

С первого класса любимый предмет Ромы — физкультура. Каждую свободную минуту на переменах и на уроках он использует, чтобы прыгать. А когда устает прыгать, Линейкин дышит. Дышит глубоко, раздвигая все двенадцать ребер. Читатели нашей газеты должны дышать, как Линейкин.

Месяц прошел с того дня, как мы узнали о новом спортсмене. До этого про талантливого школьника знали только в классе и за скромность звали «обыкновенным». Между прочим, и сейчас в школе чемпиона зовут, как почти равного себе — просто Ромкой. «Крылатый школьник», — говорят о нем жители нашего прекрасного города.

О Линейкине спорят бывалые спортсмены. Перед прыжком он собирается в комок, прижимая руки к ногам. Он прямо-таки взлетает над планкой. Не имея равных, он соревнуется сам с собой. Поистине негиббаема воля его к победе.

Ваш корреспондент спешит на улицу Ермушкиной. Здесь, на углу Огородной, живет Роман с мамой и папой, которые тоже носят хорошо известную теперь любителям спорта фамилию Линейкины. По ходатайству общественности домоуправление установило круглосуточное дежурство, чтобы экскурсанты могли осмотреть квартиру чемпиона. Вот его школьная фуражка. Пальто, на котором так к месту протерты рукава. Новые калоши... Впрочем, все это не имеет отношения к спорту.

А где же Роман? Наверняка в эту минуту он оттачивает и шлифует свое мастерство.

Выхожу из парадного. Удар! Точный удар! Из двери выбито стекло. Дворовые ребята бессмысленно гоняют мяч. У хулигана нет ничего святого. Он выбил стекло из

двери, через которую ходит Лине́йкин. А вдруг сквозняк прохватит чемпиона накануне соревнований?!

— Во-он, сам Лине́йкин, — дворник показывает метлой в дальний конец двора. — Разбил стекло и удирает.

Простим же невинную шутку первоклассному чемпиону, который учится в шестом классе. Скоро соревнования на большой приз калошной фабрики имени тореадора Эскамильо — Калошу на мраморной подставке.

На нашей снимке: Ручка школьной двери, за которую ежедневно держится чемпион Роман Лине́йкин. Фото автора.

СЛУЧАЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ. Заботы Аленки. Я сто раз прочитала статью «Шестиклассный прыгун». Потом отложила газету и опять стала думать. Надо бы уроки делать, но уроки не делаются. Сейчас придет из магазина бабушка и будет ворчать. Пускай ворчит на здоровье!

Слуш-послуш! Мы с Лине́йкиным не разговариваем ужас сколько. Мне показалось, что Лине́йкин стал зазнаваться. Да что там показалось! Я уверена, что так и есть: он ведь у нас шестиклассный прыгун! А я кто?

Лине́йкин всегда, сколько я его помню, учился еле-еле. А когда его учителя спрашивали, почему, отвечал: у меня не к этому призвание. Подумаешь, призвание!.. Нахватался у взрослых.

Дружба у нас с ним давно, со второй четверти пятого класса. Помните, я тогда уронила циркуль, а Ромка полез между партами искать и вымазался? Весь класс смеялся!.. Конечно, не над тем, что он вымазался, а что полез искать для девчонки. А Лине́йкин упрямый: если делает, никогда не сознается, что делает не так. Когда Ромка циркуль достал, больше всех хохотал Бацилла. Ромка тогда подошел и так его двинул, что Бацилла даже не дал сдачи, хотя сильнее.

В общем, с того циркуля мы с Ромкой дружим. То есть дружили, пока Лине́йкин не стал знаменитым. У него теперь подбородок стал выше носа.

Одного только я не пойму: как он все-таки сделался чемпионом. Раньше я всегда бегала быстрее, это же известно. Когда в салочки играли, я только ради того, чтобы не обижать

Линейкина, тихонько сбавляла ход. Делала вид, что устала, и водила. И через забор лазили вместе. А теперь он со мной не бегают.

Это у него произошел перелом. В мальчишках бывают переломы. Вот Робертино пел-пел, а после все, весь испелся. Может, Линейкин наоборот?

Только зачем же из-за этого перелома воображать? А если бы я стала чемпионкой? Я бы никогда не хвасталась. Разве что Ромке сказала бы, и то под страшным секретом. Взяла я да и выложила ему все, что думала: какой он воображала и все такое!

— Ну и что? — не поняв сперва, в чем дело, переспросил Ромка. — Это ты про статью в газете? А по-моему, ничего. Могли, конечно, мою фотографию поместить, как я прыгаю, чтобы молодежь из начальной школы училась. А ты что — завидуешь?..

— Дурак! — сказала я.

Жалко, что более обидных слов я не знала. А хоть бы и знала, не смогла бы сказать.

Отвернулась я и ушла, а по дороге заплакала.

С тех пор мы сидим на парте отвернувшись. Это, конечно, неудобно и трудно, но все же легче, чем мириться.

Да, вчера меня Жанна Степановна подозвала в коридоре.

— Аленка, ты с Линейкиным дружишь?

— Сейчас не очень.

— Ты с ним не ссорься. Помоги ему по-настоящему, как друг. Пусть занимается...

Может, мне первой помириться?

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЫЙ. Круги Картошкина. Каждое утро Картошкин надевал кеды и выходил во двор. Легкой рысью он бегал вокруг своего пятиэтажного панельного дома десять кругов, а потом брал сумку и шел в школу.

На первом уроке Картошкин дышал так, что все четыре плафона на потолке колебались, а со второго урока начинал обсуждать с соседями технику прыжков в высоту. Вывод был всегда один: у Линейкина никакой техники нет.

— Ты почему мало тренируешься? — спрашивал он у Линейкина.

— Жду, пока ты меня догонишь, — отвечал чемпион и подмигивал Картошкину.

Непонятно, почему Линейкин так высоко прыгает. Не должен, не может, а прыгает. Картошкин и Аленку спрашивал не раз — она молчала. Ну, конечно, разве она скажет? Они с Линейкиным на одной парте сидят.

— Надо это проверить! — говорил Картошкин. — Но как? Как?

— Ты ему просто завидуешь, и все, — отвечал Бацилла, сплевывая себе под ноги и растирая плевок ботинком. — У него природные данные, фактура, понял? А у тебя?

— Я? Я завидую?! — возмущался Картошкин и умолкал, потому что больше ничего в свое оправдание сказать не мог.

А в стенгазете Света Макарова поместила рисунок: похожий на птичку Линейкин пролетает через планку. А внизу стоит гусь, вылитый Картошкин.

На перемене Жанна Степановна подозвала Картошкина к окну.

— Слушай, Картошкин, ты ведь прыжками в высоту занимаешься?

— Ну!

— Алексей Алексеич с тобой занимается?

— Не-е. Он сказал, что я бес-пер-спек-тивный. Он только Линейкина тренирует.

— Послушай, ты должен Линейкина обойти. Человек зазнался. Ну, постарайся! Отнесись к этому серьезно.

— Я уже на стадион ходил — из-за забора смотрел, как Линейкин прыгает. Так он больше балуется: листочки с деревьев обрывает... А вы думаете, у меня получится?

— Получится! — и Жанна Степановна подмигнула Картошкину.

Прозвенел звонок. Картошкин сжал кулаки, кивнул Жанне Степановне и пошел в класс.

С этого дня он просыпался еще раньше, надевал кеды и бегал вокруг своего панельного дома не десять кругов, а пятнадцать. Пять кругов — со скакалочкой.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШЕСТОЕ

С милицией лучше не ссориться

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. Братья Ершовы. — Ну-те-с, голубчик, хорошо отдохнули?..

Начальник отделения Ершов устало сидел в кресле, тер остатки волос на висках и слушал рапорт старшего сержанта Нигугушвили. Тот стоял перед начальником милиции навтыжку, в новенькой форме и старался говорить как можно громче.

— Так точно, товарищ начальник! Ел, пил, на воздухе гулял. В лесу, понимаешь. Деревья стояли кругом... Белка живая бегала. Хвост такой, понимаешь, пушистый. Вай-вай-вай! Целую шапку из одного хвоста сделать можно!

И правда, щеки у старшего сержанта Нигугушвили зарумянились. Он улыбался, казалось, на весь кабинет начальника отделения милиции.

В дверь постучали.

— К тебе можно?

В кабинет, широко распахнув дверь, вошел брат начальника — директор калошной фабрики имени тореадора Эскамильо.

Вот радость-то! Оба брата Ершовы очень ответственные работники, вечно заняты и видятся редко. А близнецы все же! Ведь когда-то рыбку ловить вместе ходили... А сейчас начальник милиции ловит одну рыбку, а директор совсем другую.

Начальник отпустил старшего сержанта Нигугушвили, встал, обнял брата, похлопал по широченной спине. Уселись на диване в цветочках, из которого торчали пружины.

— Ну, как с планом, калошная душа? — Ершов-начальник засмеялся, довольный своей шуткой.

— Я к тебе, собственно говоря, по делу, — сказал Ершов-директор. — Даже не знаю, как начать.

— Ну-те-с, что там у тебя? Хищение на фабрике? Не волнуйся, завтра же пришлю следователей. У меня ребята знаешь какие?

Он показал кулак...

— Да нет, какое там хищение! Просто... Как бы тебе это

сказать?.. Ты о прыгающем человеке ничего не слыхал? До крыши прыгает. Не может такое случиться, а?..

— Да ты что! Тоже того! Ой, не могу!

Начальник милиции захохотал.

Директор калошной фабрики сидел, опершись о круглый валик дивана, и поглаживал остатки волос на затылке. Он ничего не понял:

— Ты чего это такой радостный? Преступники перевелись, что ли?..

— Наоборот! — Ершов-начальник поморщился, будто ему наступили на мозоль. — Прыгающие появились. Есть у меня старший сержант Нигугушвили. Выдумщик. Молодой еще, неопытный. И книжек больно много читает. Нуте-с... Галлюцинация!.. Ты как в воду глядел. Хоть плачь, хоть смейся. Так вот, этот самый старший сержант меня уморил. Представил рапорт, будто видел во время дежурства прыгающего до крыши человека.

Начальник милиции Ершов всегда говорил не «рапорт», а «рапорт». Так было учение.

— Да что ты...

— Точно! Понимаешь? Я так думаю: милиционер, который идет на работу, ни в коем случае не должен читать про фантастику. Этого сержант недоучел. А может, просто переутомился. А теперь, гляжу, и ты туда же! Тоже рапорт мне напишешь?

— Да ну тебя! Расскажи-ка, что твой сержант видел.

— Нуте-с... Представляешь, подает мне сержант рапорт. А в нем черным по белому написано, что бежал он целый квартал за нарушителем. А тот, чтобы смыться, взял да и поскакал, чуть не до третьего этажа!

— Ага, ага.

— Нуте-с, уяснил!.. А сержант бежал за ним старым способом, то есть ногами. Где же ему за этим стрекозлом угнаться!..

— Теперь слушай, что я тебе скажу, — директор нагнулся к брату. — Сегодня я узнал, что к нам в отдел самых новых калош приносили прыгающие калоши. А человеку отказали.

— Нуте-с!..

— Нуте-с да нуте-с!.. — Ершов-директор развел рука-

ми. — Прозевали. Сидит у меня на этом деле такой, знаешь, дуб...

— А где калоши?

— Если б я знал... Ускакали! Ты понимаешь, что такое прыгающие калоши! Это же слава нам на весь мир!

— Слава-то слава, — задумался Ершов-начальник, — но преступность тоже возрастет. Что ж теперь — за уголовниками, значит, на вертолете гоняться?..

— Зачем на вертолете? Обуем и милицию в такие калоши! А что?

— Вот те ну! Только про это рано пока судачить. Нет калош! Исчезли.

— Никак в толк не возьму. Чего ж ты от меня хочешь?

— А вот чего. Давай пока не будем поднимать шума. А то еще в городе паника поднимется... Обойдемся и без бюрократии. Но поищи этого прыгающего человека по-братски. Найдешь?

Ершов — начальник милиции закрыл глаза и улыбнулся:

— Можешь не беспокоиться. У меня ребята во!

И Ершов-начальник поднес к носу Ершова-директора увесистый кулак.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ. Особое задание. —
Нигугушвили ко мне!

Как только директор калошной фабрики ушел, начальник милиции снова вызвал старшего сержанта. Он открыл красную папку и извлек рапорт. Тот самый, в котором старший сержант Нигугушвили докладывал о преследовании прыгающего нарушителя.

— Старший сержант Нигугушвили! — голос начальника стал сухим и строгим. — Поручаю вам важное оперативное задание.

— Слушаюсь!

— Приступайте к розыску прыгающего человека.

— Слушаюсь!

Старший сержант ничуть не удивился. Он был уверен, что не ошибся. Случайно у него никто еще не вызывал подозрения. Нигугушвили наклонился к начальнику и доверительным шепотом спросил:

— Преступник?

Начальник милиции задумался и потер на щеках щетину.

— Вряд ли. Но не исключено, что хулиган.

— Вай-вай-вай! Нигугушвили большую оплошность допустил, что сразу не задержал, товарищ начальник. Время, понимаешь, упустили. Может быть, он хулиганский поступок замышляет в космическом масштабе...

— Старший сержант Нигугушвили!

— Слушаюсь!

— Приказываю вам не фантазировать!

— Слушаюсь!

Начальник милиции рассказал сержанту о прыгающих калошах. Объяснил, какое значение могут иметь такие калоши для трудящихся. Но единственные калоши по халатности пропали. Их надо во что бы то ни стало найти.

— Наблюдайте. Все подробности очень важны. В другие города я сообщу, чтобы проверили, не появился ли там прыгающий гражданин... Да, постойте, запрещаю на время поисков читать книги, ясно! Выполняйте приказание.

Старший сержант Нигугушвили щелкнул каблуками и взял под козырек.

Первым делом старший сержант отправился домой и переоделся в штатское. Обыкновенный серый пиджак и брюки сержант носил редко и чувствовал себя в костюме, как яичница на сковородке. Пистолет он переложил в карман пиджака.

Теперь на поиски.

На том месте, где он обычно дежурил, на улице Ермушкиной, сержант тихо подходил к знакомым дворникам, продащице мороженого и газированной воды. Те удивлялись, что сержант в штатском, но виду не показывали. Поговорил он по секрету с двумя старичками пенсионерами. Но даже пенсионеры прыгающего человека не встречали.

Старший сержант Нигугушвили купил в продмаге колбасы, булку и здесь же, в подворотне, перекусил. Затем еще раз проверил, на месте ли пистолет, и пошел из дома в дом по дворам, приглядываясь к гражданам.

Поздно ночью старший сержант Нигугушвили позвонил дежурному в отделение и просил доложить начальнику, что продолжает выполнять особое задание. Результатов нет, но

надежда имеется. Дежурный сообщил, что из других городов пришли секретные сведения, что прыгающих граждан там замечено не было. Остается искать здесь. Усталый старший сержант добрался домой в общежитие, не раздеваясь, лег на кровать и мгновенно уснул. Спал старший сержант Нигугушвили плохо. Ворочался, во сне засовывал руку в карман, готовясь выхватить пистолет.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ. Снится сон сержанту. Под утро к милицейскому общежитию подлетел зеленый вертолет.

На бортах вертолета белыми буквами по красной ленте было выведено «Милиция». Летчик пересел, и за штурвал сел он, старший сержант Нигугушвили. Вертолет затарахтел и помчался вперед, прорезая облака.

Но что это внизу? Какой-то человек прыгает с тучи на тучу. Вот он на лету вынул изо рта сигарету и ткнул прямо в белоснежное облако. Сигарета зашипела, и из облака пошел белый пар. Нарушение чистоты на небе! Старший сержант мгновенно высунулся из окна вертолета и засвистел нарушителю.

— Гражданин! Немедленно подберите окурок с облака!

Услышав голос с неба, человек попытался скрыться. Не тут-то было!.. Старший сержант Нигугушвили открыл люк вертолета и выбросил огромную рыболовную сеть. Вертолет прошел над самой головой гражданина, и тот очутился в сети. Попалась, золотая рыбка! Человек барахтался, пытаясь освободиться, но сеть поползла вверх и скрылась в люке вертолета.

— Вай-вай-вай! Штраф пятьдесят копеек, гражданин, — сказал Нигугушвили.

Он распутал сеть, вручил гражданину квитанцию, посадил его на ближайшее облако. Но едва сержант увидел на ногах пассажира калоши, он проснулся.

Сон как сон, что особенного?.. Жаль только, что сон не в руку. Время идет, а поиски старшего сержанта ни к чему не привели. Начальник милиции Ершов за это по головке не погладит. Надо действовать иначе.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. Над заведующим сгущаются тучи. Кто-то вошел в кабинет заведующего отделом самых новых калош фабрики имени тореадора Эскамильо без стука. Заведующий сердито поморщился. Он, как уже говорилось, очень не любил, когда его отрывали от раздумий.

— Вам, собственно, чего? — не поднимая лысой головы, спросил заведующий вошедшего.

А когда поднял, увидел человека в сером костюме, который протягивал ему под самый нос маленькую красную книжечку. Заведующий побледнел: милиция. Такие изобретатели на фабрику еще не приходили.

— Чем могу служить? — как можно вежливее спросил заведующий и встал.

Старший сержант Нигугушвили сел рядом с заведующим и, наклонившись, тихо произнес:

— Вай-вай-вай! Прежде всего попрошу сохранять спокойствие, гражданин заведующий. Не волнуйтесь.

— А я и... не вол... волнуюсь...

Заведующий лихорадочно силился сообразить, что он мог натворить. Но ничего не вспомнил.

— Я хочу вас предупредить, — продолжал старший сержант. — Наш разговор должен остаться в полной тайне.

— Ко-конечно, са-само собой...

— Так вот. Вам приносили калоши?

— Мне?

— Не переспрашивайте! Я имею в виду фабрику.

— Приносили. Много раз. Все время приносят. Изобретатели — такой народ. Отдыха не вижу!

— Приносили вам... прыгающие калоши?
— Э-э-э... да! Приносили. Только... они были... непры-
гающие.
— А какие же?
— Я думаю, изобретатель был просто «того»... Вы меня
понимаете?
— Что значит «того»?
— Ну, не в своем, так сказать, уме...
— Где эти калоши?
— Я их не брал! Он... он их унес...
— Куда?
— Не знаю! Да это барахло, а не калоши. Обман трудя-
щихся...

— Гражданин заведующий! Хочу вас предупредить: я
получил приказ, что это не барахло. Калоши были прыгаю-
щие. Ясно? Отсюда делайте вывод.

— Да, конечно, прыгающие. Я, по правде говоря, это
чувствовал. Делаю вывод: как замечательно, что именно на
нашей фабрике впервые появились прыгающие калоши!

— Э-э-э, нет! Прыгающие калоши появились не на ва-
шей фабрике. Попрошу предъявить документы. Будем искать.
Заведующему отделом самых новых калош стало как-то
не по себе. Сорок лет на калошах просидеть и так опростово-
лоситься.

— А кто их сделал, помните?

— Как же, помню! Да его все знают. Такой... не в своем
уме... Ну, хромой еще... Фамилия у него такая пищевая: Че-
бу-ре-ки.

Старший сержант понял, что от заведующего он ничего
не добьется. И отправился искать гражданина с пищевой фа-
милией.

Однако не успел заведующий сесть и закрыть глаза, как
зазвонил телефон. Ну и денек! Ни минуты покоя!

— К директору. Срочно! — сказала секретарша.

Из трубки полетели короткие гудки.

Заведующий еле протиснулся в кабинет директора. На-
роду там было битком. Все волновались и о чем-то спорили.
Кабинет был похож на склад: в шкафах, на подоконниках и
на директорском столе стояли калоши. Детские, взрослые, с
каблуком и без. Когда заведующий вошел, все замолчали и

расступились. По проходу он волей-неволей должен был пройти прямо к директорскому столу. И не успел он сказать «здрсте», директор, сверля его глазами, спросил:

— Калоши принес?

— Это какие?

— Ты что же, дорогой товарищ, в детском саду? Известно какие, прыгающие...

— Шутите! Где ж я их возьму? Я ведь не этот... как его... не Чебуреки...

— Оно и заметно, — сказал директор.

И забарабанил пальцем по столу.

Над заведующим отделом самых новых калош сгустились тучи.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Калоши оставляют следы

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ, по рассказу Аленки. Дом, в котором живет Чебуреки. Утюг взял и сломался. Бабушка сказала, чтобы я не ходила в мастерскую, где будут чинить целый месяц, а шла к Чебуреки. Он с удовольствием сделает сразу.

Утюг был тяжелый. Такой тяжелый, что несешь — рука отрывается. Наверно, им гладили, еще когда моя бабушка была девочкой. Раньше бы я позвала Ромку и вместе понесли. А теперь ни за что, лучше останусь однорукой.

Домик, в котором жил Чебуреки, был старый. Как он стоял целый век, просто удивительно. Давным-давно начали собираться его снести, но каждый год оставляют на следующий год.

Говорят, он портит весь вид улицы Ермушкиной, а это очень плохо.

Чебуреки жил на самом чердаке. Ступеньки лестницы в домике были из железа. Стоило наступить — громыхали.

Я очень любила по ним бегать: как будто это пианино. Когда Чебуреки слышал шаги, он мог бы сразу идти открывать двери. Но дверь у него открывалась сама, как только к ней подойдешь.

— Здр-р-равствуйте! — сказал кто-то сверху, едва я вошла.

Шляпа, которая висела на вешалке, стала сама подпрыгивать и раскланиваться.

— Кто там? — спросил из комнаты хриловатый голос Чебуреки.

— Я, — сказала я.

По полу зашаркали туфли, и вышел, прихрамывая, Чебуреки. Он был в запачканной коричневой куртке. Мне бабушка когда-то рассказывала, что в этой куртке восемьдесят два кармана, а в них винтики, гаечки, гвоздики, веревочки и еще не знаю что.

— О, Аленушка! — сказал Чебуреки. — Как здоровье бабушки?

— Спасибо, — ответила я. — Вот, слуш-послуш, утюг просила починить...

— Ну, давай, поглядим!

Он пригладил бороду, чтобы она не мешала ему, и стал вертеть утюг.

— А вы как живете? — спросила я. Молчать ведь как-то неудобно.

— Да ничего, дочка, делаю вот всякие безделицы. Что получается, что нет... Я тебе мои прыгающие калоши показывал?

— Прыгающие? Нет!

Тут я первый раз услышала о таких калошах.

— А они, правда, сами прыгают?

— Зачем сами? Наденешь — и прыгай.

— А попробовать можно?

— Попробовать? — Чебуреки покачал головой. — Нельзя, нет. Я их уже выбросил. Мне сказали, что это ерунда, и выбросил. А по-моему, ничего. Вот ты, например, в школу опаздываешь — надела и скок-наскок на урок...

Он вытащил из кармана маленькую отверточку и стал смотреть утюг. Никогда у Чебуреки не поймешь, когда он шутит, а когда серьезно.

— А знаете, — сказала я, — пистолетик, который стрелял конфетами, мы с Линейкиным сломали.

— А кто это Линеикин?

— Это мальчик, с которым я дружу. Вернее, дружила...

— А вы что же, поссорились?

— Да вроде...

— Ну, ничего, помиритесь. А насчет пистолетика не расстраивайся... Я сейчас придумал кое-что получше. В котлеты добавляю такой порошок: кто съест, будет жить до ста лет и не болеть. Хочешь — угощу?

— Хочу! Конечно, хочу!

— Правда, котлет у меня нет, но, так и быть, я тебе просто на язык посыплю, ладно?

Он взял с полки какую-то банку.

— Ну-ка, покажи язык!

Я высунула.

Что-то посыпалось на язык из банки.

— Так это же соль! — сказала я.

— Верно! — ответил он, засмеялся и закашлялся. — Но какая!

Чебуреки еще минутку повозился с моим утюгом и протянул его мне.

— Скажи бабушке, все в порядке!

Дверь сама открылась и вежливо сказала скрипучим голосом:

— До свидания! Приходите к нам еще!

Шла я от Чебуреки домой и думала. Просто удивительно, до чего я не сообразительна. Ну ведь ясно, что прыгающие калоши мог придумать только один человек в нашем городе. Сообрази я — ничего бы не случилось. Но это все я потом сообразила, понимаете? А сейчас я думала, почему Чебуреки не позовут в школу руководить всякими умелыми кружками? Потому что он небритый, наверно. А зато как с ним весело! Я бы с удовольствием ходила к нему во все кружки. А к этому, который приходит с калошной фабрики? «Сегодня все, как один, будем изготавливать стру... струбцину». Ни за что!

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ. Нигугушвили берет след. Из домика, в котором жил Чебуреки, молодежь разъехалась, а к старикам гости ходили редко. Если шли в домик,

значит, что-нибудь починить — или телевизор, или керосинку. И, увидев в дверях молодого человека в синем помятом костюме, Чебуреки не очень удивился.

Дверь сама открылась.

— Здр-р-равствуйте! — сказала с вешалки шляпа и кивнула вошедшему.

Переодетый в обыкновенный костюм старший сержант Нигугушвили, растерявшись, отдал шляпе честь.

Старший сержант знал, как с кем разговаривать. Он поздоровался с Чебуреки за руку. Чебуреки пригласил его в комнатку, заставленную старомодной мебелью. Они сели за стол, покрытый клеенкой.

Гость был странным. Сначала он спросил Чебуреки о здоровье. Рассказал о том, как сам хорошо отдохнул в санатории. И только потом перешел к делу:

— А как себя чувствуют ваши прыгающие калоши?

Чебуреки грустно улыбнулся:

— Так вы, оказывается, из утильсырья? Действительно, когда я мастерил калоши, у меня были большие отходы резины. Я ведь покупал в магазине новые, резал их и варил. Много брака из-под пресса выходило. А сейчас ничего не осталось, все сдал. Спасибо!

— Да я не про утиль, — Нигугушвили решил сказать, кто он. — Я из милиции. Понимаете, дорогой, я получил приказ искать ваши прыгающие калоши.

— Мои? Зачем?

— Для фабрики.

— Но зачем же?

Нигугушвили загадочно улыбнулся:

— Теперь, понимаешь, нужны!

— Нужны? А я тогда оставил их на фабрике...

— На фабрике? Как это оставил?! — старший сержант вскочил. — Пошли, дорогой! Скорей!..

Чебуреки пожал плечами. Все удивлялись его поступкам, а в них не было ничего особенного. Он обмотал шею старым любимым теплым шарфом, сунул концы его под плащ и легонько свистнул.

Старший сержант Нигугушвили, молодой человек недюжинной храбрости, попятился назад. Желтый кожаный портфель, что лежал рядом со столом на стуле, пошевелился и

приподнял ручку. Замки сами собой защелкнулись, портфель встал на тонкие пружинистые ножки, легко спрыгнул на пол и засеменил следом за Чебуреки. Дверь сама открылась, потом захлопнулась и вежливо сказала скрипучим голосом:

— До свидания! Приходите к нам еще!

— Слушаюсь, — сказал старший сержант, кивнул и отдал двери честь. Он поспешно зашагал позади Чебуреки, стараясь ступать в ногу с портфелем.

Они тихо миновали дремлющего вахтера и статую тоreadора Эскамильо с отбитым носом. Чебуреки молча пришел в цех, где длинная лента конвейера уносила на склад готовые калоши, и ткнул пальцем на ленту. Прыгающие калоши он оставил тут.

— Вай-вай-вай! — воскликнул старший сержант. — Что ты наделал, дорогой! Зачем оставил? Принес бы в отделение милиции — все было бы в полном порядке. Вай-вай-вай!

Старший сержант открыл дверь, и они прошли на склад. Дверь оказалась с пружиной и чуть не прищемила портфель. Но портфель ловко подпрыгнул и успел проскочить вслед за хозяином.

Калош на складе лежали горы. Искать какую-нибудь пару — все равно, что искать камушек на дне моря. Но все это свеженькие калоши, а где старые? Старшему сержанту стало грустно. Но он не показал виду.

— Вспомни, дорогой, когда это было, а?

Но Чебуреки никак не мог вспомнить. Примерно месяц назад... Или два... Толстый кладовщик полистал накладные. Те самые бумажки, по которым отправляют калоши в магазин. Калоши давно отправлены в восемьдесят восемь городов. Продают их в восьмистах восьмидесяти восьми магазинах.

— Какие, какие? — переспросил кладовщик. — С белыми пупырышками? Так это ж, наверно, брак. Брак мы в другие города не отправляем, продаем у себя. Ищите в универмаге «Резиновый мир», где же еще?

— Вай-вай! — воскликнул Нигугушвили и похлопал Чебуреки по плечу.

Теперь он точно знал, во-первых, что прыгал по улице не Чебуреки, а Кто-то другой. Во-вторых, он знал, как к этому Кому-то другому попали калоши: они куплены в универмаге «Резиновый мир». Милиционер решил открыть Чебуреки тай-

ну: он, старший сержант Нигугушвили, собственными глазами видел прыгающего человека!

— Вот и прекрасно, — сказал Чебуреки и совсем не удивился. — Он будет очень доволен... Я же говорил, что прыгающие калоши — это хорошая штука...

Чебуреки думал сейчас совсем не о прыгающих калошах. Только что, пробираясь по темному коридору фабрики имени тореадора Эскамильо, он решил сделать калоши для космонавтов, чтобы они оставляли на незнакомой планете светящиеся следы. Потеряется космонавт — его легко найти. Чебуреки поделился этой идеей со старшим сержантом:

— Слушай, — ответил тот, — что ты мне голову забиваешь светящимися калошами, дорогой? Нам нужно что? Калоши! Какие? Прыгающие! А ты, понимаешь!.. Ой, какой тяжелый человек...

Старший сержант Нигугушвили немедленно простился с Чебуреки, вскочил в трамвай номер первый и отправился в универмаг «Резиновый мир». А Чебуреки пошел, прихрамывая, домой делать светящиеся калоши для космонавтов.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ. Задание почти выполнено. Второй рапорт начальнику отделения милиции Ершову:

«Докладываю, что поиски прыгающих калош ведутся успешно.

Указанные калоши из-за несерьезного отношения к ним изобретателя Чебуреки попали в торговую сеть. Их главная примета — белые пупырышки сзади. Согласно приказу продолжал поиск прыгающих калош в универмаге «Резиновый мир».

Продавец Маруся, очень симпатичная девушка, произвела на старшего сержанта Нигугушвили положительное впечатление. Однако она работает два дня и не знает, кому продали калоши с белыми пупырышками. А продавец Дуся уехала.

Какие будут ваши указания — ехать в командировку к Дусе или искать на месте?

К сему — старший сержант Нигугушвили».

Резолюция на рапорте написана неразборчиво. Подпись: «Начальник милиции Ершов».

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Пока не поздно

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ. Калоши украли. Только что кончился последний урок. Математичка Варвара Ванна попросила Линейкина ненадолго задержаться, чтобы

объяснить ему, какая будет завтра контрольная. Ромка не стал ждать. Не придет он на контрольную, и все тут! Соревнования на носу, а тут какая-то контрольная...

Довольный жизнью, Линеин размахивал портфелем и прыгал через три ступеньки сразу в раздевалку. Он делал вид, что не замечает малышей. В белых воротничках они шагали стайкой вверх заниматься во вторую смену.

— Эй, сопляки, с дороги! — гаркнул Ромка.

Они почтительно расступались перед Линеиным и, разинув рты, глядели вслед чемпиону. Они гордились тем, что учатся с ним в одной школе.

Ребята уже разошлись, и раздевалка опустела. Ромка напялил шапку, сунул руки в пальто и начал в полутьме шарить ногами, чтобы надеть калоши. Никак не мог их нащупать и нагнулся. Он даже погладил ладонями по полу — калош не было. Не было!

Украли! Ромка понял это сразу и замер, так и оставшись на четвереньках. В мозгу его закрутилась карусель, мысли лихорадочно перескакивали с одной полочки на другую. Появилась даже одна эдакая веселенькая мыслишка. Тоненькая, как мышиный хвост: «Ну вот, наконец-то ты, Роман Кузьмич, образумишься! Посуди сам, какой из тебя чемпион? Ведь ничегошеньки у тебя спортивного нету. Разве что в отмерного умеешь играть. Звонок ты, Роман Кузьмич!»

Ромка отогнал эту мыслишку. Юркнув хвостом, она исчезла. Появилась другая: «Жулик ты, Ромашка! Всех обманываешь. Чтобы не догадались, купил большие кеды и вставил в них калоши. Позабыл пословицу: сколько веревочке ни виться, конец ей бывает?!»

Ромка даже головой потряс. А тут еще третья мыслишка, более мрачная: «Наобещал всем три короба, а теперь провалишься. Вот смеху будет! Съедят тебя живьем. Опозорился...» Но и эта мышка-мыслишка исчезла.

Ромка продолжал стоять на четвереньках, как мартышка. Он смотрел себе под ноги и уныло шарил руками по полу.

Калоши украли! А может, кто-то разузнал, что они прыгающие? Что же теперь будет?

А вот что! Теперь кто-то другой будет прыгать, а ты, Линеин, будешь ходить пешком и ездить на трамвае! Ха-ха!..

Ромка не помнил, как он добрел домой. Он слонялся по квартире, дотрагиваясь до стен и вещей, словно видел их в первый раз и не мог понять, зачем они тут появились.

Папа пришел веселый:

— Ну, чемпион, как успехи?

— Отстань!

Папа не посмел перечить. Чемпион сосредоточен, значит, так надо. И Линеikin-старший уселся к телевизору. С тех пор как сын стал чемпионом, он снова каждый вечер смотрел передачи.

Мама вошла и сразу догадалась:

— Что случилось? Ну же, Ромашка... Хочешь мороженого?

— Нет!

— А что же? Ну!..

Ромка не в силах был больше молчать и заревел.

— Калоши украли!

Мама поставила на пол сумку с продуктами. Она хотела сказать, что стыдно позволять красть калоши, которые тебе подарили родители. Но увидела, как Ромка переживает, и смолчала.

Папа оторвался от телевизора, решил сразу взять быка за рога:

— Я говорил, что нужно на калошах писать метки!

— Но ведь они и были меченые, — возразила мама. — У них были пупырышки.

— Ну и что же, что пупырышки? Все равно надо метить.

Ромка всхлипывал. Мама подумала о том, как правильно с детства воспитывать в ребенке любовь к вещам. Вот как ее сын переживает пропажу калош! А ведь что такое калоши для чемпиона? Тьфу!..

Она погладила Ромку по голове и сказала ему, как маленькому:

— Ну, т-ш-ш, успокойся. Через два дня у папы зарплата, и я куплю тебе новые калоши, хорошо?

Ромка заревел по-настоящему.

— На них не будет белых пупырышек! — сквозь плач едва выговорил он.

— Ну и пусть! Даже лучше, — мама все гладила его по

голове. — Папа напишет чернильным карандашом «Р. Л.» — и все! Никто не перепутает!..

Мама пошла в ванную стирать, а Ромка побрел на кухню и сел, упершись локтями в стол. Он тупо смотрел вперед.

Он не будет чемпионом. Теперь он будет никем.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ. Бацилла. Если бы ученым понадобились образцы нескладных людей, Бацилла оказался бы незаменимым. Из его туловища торчали удивительно длинные шея, руки и ноги. В этом он был абсолютным чемпионом шестого «Б». Ноги его не давали работать соседям на передней парте, руки — на задней, а голова вращалась, как у куклы.

Бацилла был шутком в самом расцвете таланта. У него было три главных качества: лень, несерьезность, рассеянность.

Лень сложилась сама собой. Несерьезность была природной. Надо всем, что он говорил, смеялись. Что касается рассеянности, то это свойство Бацилла воспитал в себе сам с детства. И очень этим гордился. Он всегда что-нибудь забывал, оставлял или путал.

Когда Бацилла забыл, что его калоши висят в мешочке на вешалке и надел Ромкины, это получилось само собой. Без всякого злого умысла. Если б Ромка, уходя из школы, в гардеробе поднял печальные глаза вверх, он увидел бы, что мешок с калошами Бациллы висит на гвозде. И все понял. Но...

Бацилла никогда не нагибался, чтобы надеть калоши. Лень было. Он долго хлопал ими по полу, а от этого калоши с белыми пупырышками, как известно, не прыгают.

На другой день утром, вяло бредя в школу, Бацилла услышал, как кто-то догоняет его сзади. Бацилла не успел обернуться. Он почувствовал сильный удар кулаком в спину. Шагнул, но нога запнулась обо что-то. Бацилла упал, на ходу сообразив, что ему подставили подножку.

— Снимай калоши! — услышал он над собой и уже хотел крикнуть: «Караул! Раздевают!» Но тут увидел над собой Линейкина.

Ромка стоял над ним и, бросив портфель, остервенело стаскивал калоши. Белые пупырышки он увидел издали. Бацилла прикусил язык.

— Да ты что? Чо те надо? Ты что? — тупо повторял он и старался перевернуться.

Бацилла был сильнее Линейкина. Но если Линейкина отлупить, из школы исключат, это уж точно. Он же — наша гордость.

Ромка стащил калоши, поставил, сунул в них ноги и нажал пупырышки. Бацилла еще и сесть на землю не успел, а Ромка поскакал в школу. Прыгают калоши-то! Значит, все обошлось. А этот болван Бацилла даже и не понял, что носил на ногах. Раззява!..

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЫЙ. Аленка поет старинный романс. Я видела: что-то Линейкина тяготит. Он чего-то боится. А сегодня произошло такое, что и вовсе сбило меня с толку.

Утром прозвенел звонок, и все побежали в класс. Я поливала цветок на подоконнике и слышу, кто-то громко всхлипнул. В конце коридора, возле двери для мальчишек, человек ревет, уткнувшись лбом в оконное стекло. Подрался, наверное. А может, расшибся.

Я поставила кувшин и побежала туда. У окна стоял Ромка, все лицо в слезах.

У меня сердце сжалось, а не знаю, чем помочь. Просто подошла сзади и встала рядом.

— Чего ты, а? Не надо... — шепотом сказала я Ромке и положила ему руку на голову.

Так всегда делала мама, когда я была маленькая и плакала. Мама говорила, маленькие плачут оттого, что у них мерзнет головка. Положишь руку, головка согреется. И маленький успокоится. А Ромке разве положишь руку? Рванется в сторону и еще обзовет.

— Слуш-послуш, эй, не надо...

Ромка разрыдался. Я вынула из рукава свой платочек с кружавчиками и сунула ему. Линеякин всхлипывал-всхлипывал, потом вытер нос и глаза, и платочек сразу стал мокрый. Ромка опять отвернулся и смотрел куда-то в сторону.

— Беда у тебя?

Ромка пожал плечами, спрашивает:

— Что делаешь вечером?

— Буду дома... Придешь?

Ромка отрицательно покачал головой.

— Приходи в парк, когда стемнеет.

— В парк? Во сколько?

— Ну, в семь.

— Хорошо, — согласилась я, хотя знала, что отпроситься у бабушки в парк вечером почти невозможно.

Если бы была мама, она бы все, конечно, поняла. Но мама в Якутии, в экспедиции. А папы вообще нету. То есть был. Они с мамой разошлись характерами, а потом вообще разъехались, я еще малышкой была.

Я взяла Ромку за руку и потащила в класс.

Урок давно начался. Учительница строго посмотрела. Но

промолчала. Он ведь Линеин. И никто не засмеялся, только староста Макарова сделала заметочку в тетради против моей фамилии.

Весь день потом в голове у меня вертелась какая-то мелодия, и я ее напевала:

Когда в беде ваш дру-уг,
В беду попа-али вы-ы...

Это был старинный романс, который я сочинила сама.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. При чем тут шпионы?
Ему никто не мог помочь. Честное слово, началось с простой шутки, которую никто не понял, а теперь назад ходу нет. Что будет с мамой, что будет с отцом, — страшно подумать! Мама и так нервная. Будешь работать в универмаге, тоже будешь нервный, говорит она папе. Если Ромка нервный — это наследственное от универмага. Теперь весь город знает, что Линеин чемпион, но никто не знает одной маленькой подробности...

Ромка пробежал по главной аллее между двух рядов портретов, заменявших зеленые насаждения. Вот скамейка, на которой они с Аленкой любили читать вдвоем одну книжку. Линеин сел и решил серьезно думать, но начать думать не успел: прибежала запыхавшаяся Аленка.

Они сидели рядом и молчали. Люди всегда молчат, когда не о чем говорить или надо сказать много. Наконец Аленка заглянула Ромке в глаза.

Ромка вскочил со скамейки, схватил Аленку за руку и потащил по беговой дорожке.

— Ты что, сумасшедший?

— Молчи! — цыкнул Ромка. — Так надо.

Он остановился в чаще, на траве. Как раз там, где ходить и рвать запрещается. Присел на корточки.

— Что ты делаешь? — спрашивала ничего не понимающая, испуганная Аленка.

Ромка не отвечал. Он снимал калоши. Одну... Потом другую. Снял и приказал Аленке:

— Надевай!

— Зачем?! Они ж мне велики!..

— Надевай!!.

— Надевай!..

Аленка сунула туфельки в Ромкины калоши. Ромка опустился перед ней на колени и поднял пупырышки. Она всплеснула руками и вскрикнула: скамейка, дерево и палатка с газированной водой вдруг закачались под ней. Едва не потеряв равновесие, Аленка так подпрыгнула, что оказалась возле макушки молоденькой березки и от страха уцепилась за нее.

— Не хочу! — крикнула Аленка. — Что это?

— Молчи ты! А то люди сбегутся!..

— Ромочка, миленький! Сделай так, чтобы я упала на землю! Ну, пожалуйста! — шепнула сверху Аленка.

Ромка торжествовал. Он даже забыл про все свои тяжкие думы.

— Ладно! — снисходительно сказал он. И помог слезть с дерева.

Она поправила юбочку в мелкую складку, сняла калоши и долго разглядывала их. Глаза у нее блеснули. Калоши обыкновенные, а как прыгают!

— Ты сам сделал? — спросила она восхищенно. — У них что, пружина?.. Переделай мне туфли на микропорке, ладно?

И вдруг Аленка вспомнила:

— Слуш-послуш, надо немедленно их отдать! Сейчас же!

— Отдать?! — и Ромка надел калоши. — Кому?

— А где ты их взял?

— Где взял? — Линеikin опять стал хмурым. — Мама купила.

— Где?

— В магазине! Да она и сама не знает, что они... прыгающие... Никто не знает. Просто повезло...

Она посмотрела на Ромку, она вдруг все, абсолютно все поняла. Как это сразу не сообразила? Не Ромка, с которым она дружит со второй четверти пятого класса, поссорилась и сегодня помирилась, — чемпион. Чемпионы — калоши!.. И не Линеикина нужно фотографировать для газеты, а калоши. Ромка просто-напросто обманул весь мир!

— Ромашка... — сказала она тихо. — Это же Чебуреки сделал калоши. Понимаешь? Че-бу-ре-ки! Ну, а дальше как? Что же делать?

— Чебуреки? Ну да? А хоть бы и Чебуреки... При чем тут он?! Завтра соревнования...

— И ты обманешь всех?

— Не понимаешь самых простых вещей! — раздраженно крикнул Ромка. — Все завертелось! Если даже я скажу правду, мне теперь некуда деться. Разве что утопиться... Или прыгнуть на крышу, снять калоши и разбиться. А потом похороны. От школы принесут венок, и учителя будут плакать. А если никто не узнает, я буду чемпионом. Все мне будут завидовать. И по радио, и по телевизору — про Линейкина.

— Не говори чепухи! — твердо сказала Аленка. — Все-таки лучше объяснить все сейчас! Пока не поздно... Еще подумают, что калоши какие-нибудь шпионские...

— Ну, не могу я сейчас! — заорал Линейкин. — Не могу! Все говорят: Линейкин, Линейкин! Новый рекорд и все такое. Все: Алексей Алексеич, школа, учителя. Мама даже пирожных уже купила и спрятала в холодильник.

Аленка могла простить что угодно, только не ложь. Выходит, просто они с Ромкой люди совершенно разные.

— Как хочешь, — сказала Аленка. И повторила: — Как хочешь...

— Подумаешь, — сказал Линейкин. — Может, ты еще всем пойдешь расскажешь? Иди-иди! Да тебе никто не поверит! Потому что уже в газете писали, что я чемпион и у меня хорошая фактура. Поняла?

Аленка повернулась и пошла по дорожке. Линейкин не видел, что у нее на щеках блестели слезы.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ, в котором героя награждают дыркой от бублика

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ. Все, кроме Аленки, и другие. Улица тяжело дышит, не спасает даже осенняя прохлада. Улица задыхается, не успевая пропустить лавину лю-

дей, спешащих в одну сторону. Из ближайших деревень едут на грузовиках. Люди вылезают, течение подхватывает их и несет к стадиону имени Ермушкиной.

Трибуны превратились в муравейник. Единственное существо, которое холодно и спокойно взирает на происходящее, — телевизионная камера. Операторы приехали на автобусе из области и готовятся к передаче.

Телевизионная камера видела в своей жизни всякое и сейчас равнодушно взирает своим одним глазом. От скуки она скользит взглядом по рядам зрителей, а изредка останавливается, чтобы разглядеть получше героев этой истории.

Вон, под козырьком, поднимается на самую верхотуру хромой человек. Оказывается, Чебуреки еще и болельщик! Впрочем, кто знает, может, он пришел на стадион с тайной целью? Может, он чувствует, что произойдет сегодня?.. Чебуреки кричат. Расталкивая соседей, усаживается на место, поднимает воротник выцветшего синего плаща и поглубже втягивает бороду в воротник.

Одноглазая камера лениво поворачивается и снова останавливается.

Это что за дама с гордой осанкой и зонтиком в руках? А, здравствуйте, Линейкина-мама! Вы, видно, волнуетесь. Час назад у вас пригорела яичница, и Ромка съел горелую. Не ухудшатся ли его результаты от этого несчастья? Будем надеяться, нет. Хорошо, что вы запаслись зонтиком. Неровен час, хлынет дождь: на носу октябрь. Но вот беда — Ромка может поскользнуться.

Рядом с Ромкиной мамой в новой зеленой шляпе — папа Кузьма Кузьмич. Линеин-старший волнуется не меньше Линейкиной-мамы.

Теперь, камера, повернись, пожалуйста, во-он в тот конец трибуны! Да нет, не туда, где поломаны скамейки... Какой-то гражданин пытается сесть поудобнее на голове соседа. И сразу попадает на заметку стоящему неподалеку молодому милиционеру. Тот берет под козырек и... Узнаете? Да, совершенно верно, это старший сержант Нигугушвили.

Старший сержант Нигугушвили никогда не теряет бдительности. Мимо него проскочил невысокий курчавый человек с желтой сумкой через плечо. Мало того, что курчавый перешагнул через ограду, отделяющую зрителей от поля. Раз-

дался свисток, и цепкая рука сдавливает человеку локоть. Человек словно готов к этому, он даже не оглядывается. Привычным движением он запускает два пальца в карман и вытаскивает кусочек картонки.

— Же-ре-бен-ко В-ла-д, — читает на картонке старший сержант. — Работает в должности кор-рес-пон...

Все ясно! Рука старшего сержанта ложится под козырек. Влад Жеребенко, шагая то левой, то правой ногой, торопится в раздевалку побеседовать с участниками матча перед началом соревнований, а затем телефонировать в редакцию, чтобы в завтрашнем номере газеты ему оставили как можно больше места...

Глаз телевизионной камеры повертелся и снова остановился.

Тут вся школа, в которой учится Ромка Линейкин. Не пришло болеть только школьное здание, поскольку его фундамент глубоко врыт в землю. Правда, по неизвестной причине нет еще и Аленки, но этого никто не заметил.

Староста Света Макарова, только что разделила шестой «Б» на три группы. Первая группа должна кричать «ли», вторая «ней», третья «кин». Прорепетировали. Кто-то вместо «ней» крикнул «бей». Это Бацилла. Его хотели удалить со стадиона как человека, у которого абсолютно нет гордости за свою школу. Но Бацилла сказал, что у него насморк и он просто не может выговорить «ней». Бацилле пригрозили, что за насморк снизят отметку по дисциплине.

Глядите, глядите! Стол, накрытый тяжелой бархатной скатертью, красуется на самом виду, перед трибунами. Два пионера стоят у стола по стойке «смирно» и отдают салют. Только ветру разрешается осторожно пошевелить кончики их галстуков.

На столе стоит главный приз фабрики имени тореадора Эскамильо: огромная Калоша на мраморной подставке. Не сводя с нее глаз, трубачи исполняют веселые марши. За столом, возле приза, сидит Ермушкина, почетная гражданка нашего города. Она была первым директором калошной фабрики, и на нашей фабрике работал тогда слесарем тореадор Эскамильо. То есть, конечно, не сам тореадор, а известный певец, который поет теперь в опере «Кармен». Сегодня Ермушкина вручит чемпиону почетный приз фабрики.

А где главный герой повествования? Зрачок телевизионной камеры уперся в дверь под трибуной и здесь замер. Телевидение сквозь стену еще не проникает. Остается представить себе, какие события происходят там, в раздевалке.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ. Трубы трубят. В раздевалке суетятся тренеры, бегают врач, прыгают, вертятся, лежа крутят ногами участники соревнования. Алексей Алексеич, одетый в новый тренировочный костюм, только что отогнал от своего любимца чересчур настойчивого корреспондента.

— Перед соревнованиями нельзя отвлекаться от основной цели, — многозначительно сказал тренер и любимый учитель Линейкина.

— На какие результаты вы рассчитываете сегодня?

— Тренировка есть тренировка, — подумав, ответил Алексей Алексеич.

— И она, как говорится, делает свое дело? — спросил Влад Жеребенко.

— Вот именно! А сейчас не мешайте нам делать разминку.

Жеребенко записал у себя в блокноте мудрые мысли тренера.

Ромка, худой и нескладный, в красных трусиках с разрезами и голубой майке медленно прохаживается между всеми снующими и топающими и вяло поднимает и опускает руки. Он готовит, как вы уже догадались, дыхательный аппарат. Алексей Алексеич идет за ним по пятам.

— Не только больше вдыхай, но и больше выдыхай! — наставляет тренер. — Помни: тренировка есть тренировка...

Линейкин то забывал обо всех своих заботах, то вдруг становился мрачным.

Наконец грянули трубы. Оркестр калошной фабрики старался изо всех сил. Почти стройными рядами прошли вдоль трибун члены добровольного спортивного общества «Калоша». Взвилось знамя открытия соревнований.

Ромка мало что видел из-за широких спин, и его видели плохо. Но все знали: он где-то там, надежда легкой атлетики нашего города.

В секторе для прыжков рабочие граблями готовили площадку. Множество людей пришло к экранам телевизоров. Диктор уже объявил о начале передачи и от волнения повторял только, что у него нет слов передать то, что он видит.

— Начинаются соревнования по прыжкам в высоту, — объявило радио. — Участвуют...

Мальчишки с улицы Ермушкиной полезли в свои ложи на заборы и деревья.

Репродуктор хрипел и гудел, но можно было кое-что понять. Диктор коротко сообщил, что школьник Роман Линейкин добился замечательных результатов в небывало короткий срок. Это легкоатлет с большим будущим и так далее.

— Прыгуны готовятся, — говорит диктор. — Лица сосредоточены. Стадион имени Ермушкиной ждет рекордов. Прыгуны с опаской поглядывают на паренька в голубой майке. С ним тягаться трудно. Просто невозможно...

Ромка присел на корточки, руки у самых пяток, ждет.

Первая попытка. Высота взята!

Планка поднята выше, и снова взята высота. Стадион шумит все сильнее. Люди на трибунах встают. Линейкин что-то

шепчет тренеру. Тот кивает ему и подходит к судьям. Картошкин стоит недалеко от Линейкина. Он хочет понять, разобраться. Он хочет прыгать так же высоко.

И вот радио объявляет:

— Роман Линейкин просит поднять планку сразу на высоту, превышающую мировой рекорд!

Трибуна вопит.

— Ли-ней-кин! Ли-бей-кин!! — летит по всей округе.

Ромка глядит на стоящего одиноко Алексея Алексеича. Тот поднял руку ладонью наружу. Это приказ тренера: «Давай!»

Ромка начинает разбег. Он сильнее разводит ногами и почти отрывается от земли. В несколько движений он приближается к планке. Стадион кричит. Ромка сгибается для последнего прыжка и выпячивает грудь, чтобы как можно красивее пролететь в воздухе, и вдруг он чувствует, что теряет равновесие. Он машет руками, как канатоходец, грудь ушла слишком вперед, а ноги стали тяжелыми, будто налились свинцом. Нет сил ими пошевелить. Линейкин упал на четвереньки. Ноги приросли к земле.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. От калош бывает ревматизм.

Стадион, почувствовав неладное, замер. Все видели, что произошло невероятное: шаги известного спортсмена Линейкина становились все меньше, и неожиданно он прилип к дорожке.

Не прыгнул! Так и стоит на четвереньках. Если бы он споткнулся и упал или сбил планку, тысячи людей ахнули бы, и все. А тут...

Телевизионную передачу на всякий случай сразу прекратили по техническим причинам. Стадион снова начал гудеть, люди требовали быстрее объяснить, в чем дело.

Первым возле Ромки оказался Алексей Алексеич.

— Ты что, ты что, Линейкин? — крикнул он на ходу.

Ромка вертел головой, поднимал руки. Но с места сойти не мог.

— Я?.. — он испуганно оглядывался. — Не знаю... Мо... может быть, калоши?..

— Какие калоши? Ты что, с ума сошел?..

В глазах у Ромки стояли слезы. Он разевал рот, как будто вокруг исчез воздух.

Вокруг Ромки образовалось кольцо из судей и спортсменов. Прибежал врач с носилками. Секторы опустели. Старший сержант Нигугушвили тщетно пытался уговорить всех не подходить к месту происшествия.

Врач проверил пульс. Ромку взяли под мышки, но оторвать его от земли не удалось. Врач длинными пальцами начал ощупывать Ромкины ноги. Кости, мышцы... Все цело. Абсолютно здоров. Пальцы дошли до кед и стали расшнуровывать их. Ромку трянули, подняли за руки, босиком положили на носилки и понесли в раздевалку. Ромкины кеды остались на земле.

Он лежал бледный, закрыв глаза. Как было бы прекрасно, если б у него что-нибудь болело! Ну хоть бы ногу сломал. Умереть — тоже совсем неплохо.

Рядом с ним шел Картошкин. Он прямо-таки расстроился оттого, что Линеинкин не стал чемпионом.

— Ну что ты? А, Линеинкин? — спрашивал он.

Тот закрыл руками лицо.

Линеинкина-мама в слезах бросилась к раздевалке. Ее не пускали.

— Я мать! — причитала она. — Отдайте мне моего мальчика, моего ребенка!

За ней бежал Кузьма Кузьмич.

Алексей Алексеич встал на колени и стал отрывать кеды. Не удалось. Тут он увидел, что в кеды засунуты калоши, подошвы растеклись, и все прилипло к земле.

Алексей Алексеич ничего не понял. Вспомнил только, что первый раз, когда он на уроке открыл Линеинкина, тот тоже был в калошах. Калоши его погубили, решил он, потому что от калош бывает ревматизм.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ, рассказанный Аленкой, и самый последний. Штучки Чебуреки. Я сидела с бабушкой дома и все думала про Линеинкина, а потом вдруг решила: надо просто скорей забрать у Ромки калоши. Забрать — и все, вернуть Чебуреки. Раз Ромка сам не понимает, все равно по-

том поймет. И я побежала на стадион. Надо успеть! Всегда рев слышен за версту, а тут было как-то тихо. На трибунах народу мало, а на поле толпа. Иду, а мне навстречу Жанна Степановна.

— Аленка! Где же ты?

— Вот я.

— С Линейкиным несчастье.

У меня голова закружилась: опоздала.

— А что с ним?

— Еще не известно, бежим в раздевалку.

Там уже была Варвара Ванна, наш классный руководитель.

— Что с Линейкиным? — спросила Жанна Степановна.

— Не знаю, не знаю. Позор. Он совершенно здоров. Все это ужасно. Он просто наплевал на коллектив!

— А мне, Варвара Ванна, кажется наоборот: это коллектив плевал на Линейкина.

— Ну, знаете ли!.. — сказала Варвара Ванна.

— А где же шестой «Б»? — спросила Жанна Степановна.

— Я приказала Макаровой построить класс и увести отсюда. Поболели, и хватит. Всем пора уроки делать.

Она повернулась и тяжелыми шагами пошла к выходу.

— Линейкин, — спросила я. — У тебя ничего не болит? Он замотал головой.

— Тогда айда домой.

— Идите, идите все! — угрюмо сказал Линейкин. — Я буду здесь!

— Ничего, ничего, оставьте его одного, пускай полежит, — сказал врач. — Оставьте!

— Картошкин, — сказала Жанна Степановна. — А ты молодец, ты обязательно будешь чемпионом. Только все про тебя забыли.

— Ерунда! — сказал Картошкин. — Вот Линейкина жалко. Я ведь знал, что тут что-то не то... Так и знал!..

Мы с Жанной Степановной вышли на поле. Толпа все не уменьшалась. Я все думала, может, это я виновата, что так получилось, ведь я все знала, а молчала.

— Бракоделы несчастные! Халтурщики, — бормотала Ромкина мама. — Калоши, калоши и те не могут как следует сделать!

— Пустите меня! Да пустите же! — кричал кто-то и проталкивался через толпу. — Я тоже хочу взглянуть!..

Сначала я не узнала его, а потом оставила Жанну Степановну и побежала к нему.

— Здравствуйте!

Он оглянулся. Это был Чебуреки, и, наверное, он о чем-то догадался.

— Нельзя! Нельзя! — говорил всем старший сержант. — Сами понимаете, нельзя. Все хотят посмотреть, а что будет, если все посмотрят? Вай-вай-вай! Не-ор-га-ни-зо-ван-ность!

Но тут он посмотрел на Чебуреки. И Чебуреки посмотрел на него.

— Там, пон-нимаешь, вероятно, к...калоши, — сказал Чебуреки, заикаясь от волнения.

— Где?

Старший сержант Нигугушвили растолкал зевак, и они вдвоем бросились на дорожку. Я проскользнула вслед за Чебуреки.

Чебуреки упал на четвереньки. Он ощупал калоши и стал качать головой, как будто он был тут один.

— Ничего не получилось... Опять не получилось... Резина потекла...

По спине его колотил старший сержант Нигугушвили.

— Слушай, Чебуреки... Давай, Чебуреки... — тормошил он. — Скорей говори, как дела? Мне доложить надо. Это те калоши? Те? Прыгающие, да?

Я сразу узнала: калоши были те самые, в которых я прыгала в парке. И Чебуреки кивнул. Тут Нигугушвили сам увидел белые пупырышки. Он растолкал всех и влез в будку телефона-автомата. Он кричал на весь стадион.

— Докладывает старший сержант Нигугушвили. Вы меня слышите? Напал на след прыгающих калош! Что? Никак нет, не упрыгают! Они лежат... Так точно!

Он опять подбежал к калошам и лег на них грудью, чтобы никто к ним не прикасался.

Приехал начальник милиции Ершов, его брат директор калошной фабрики имени тореадора Эскамильо и с ними большая свита. Они стали отрывать калоши от земли.

— А почему они, собственно, не прыгают? — спросил директор фабрики.

— Подошвы не выдержали нагрузки, — сказал Чебуреки, ощупывая калоши.

— Вот видите, я же говорил, не прыгают калоши! — обрадовался лысый старик в черном костюме, который приехал вместе с директором фабрики. — Я говорил, не прыгают!.. А смотрите, какие тяжелые: не оторвешь!

— Да ты не радуйся, не радуйся, — говорил Чебуреки заведующему отделом самых новых калош. — Не радуйся...

Ершов-директор и Ершов — начальник милиции переглянулись и подмигнули друг другу.

Что же касается Линейкина, то о нем все забыли. Только корреспондент Влад Жеребенко, стоя позади всех, внимательно слушал разговоры, потирал руки и про себя приговаривал:

— Давненько мы никого не ругали... Попались, голубчики! Фельетон, только фельетон... На фабрике ротозеи. Это же давно было ясно. А этот чемпион — ну, прямо сам просится в фельетон...

Общими усилиями калоши все-таки оторвали от земли. Но они остались без подошв.

— Да бросьте вы их, друзья, честное слово, бросьте, — приговаривал, покашливая, Чебуреки. — Ну, подумаешь, калоши, велика важность! Можно такие интереснейшие штучки сделать. Вот, например...

— Нет, нет и еще раз нет! — замахал руками директор Ершов. — Не надо! Не надо нам никаких штучек! Будем делать именно прыгающие калоши. Именно! И никаких других! Из Большого театра уже интересовались, когда будет первая партия таких калош...

— Торeadор Эскамильо лично станут в них прыгать? — осведомился заведующий отделом самых новых калош.

— Нет, Демон...

— О, конечно! — воскликнул заведующий. — Немедленно будем делать калоши для Демона.

— Ну, калоши, так калоши, — вздохнул Чебуреки, поднял воротник и, прихрамывая, устало побрел домой...

И правда, слуш-послуш! Зря Ромкина мама ругала фаб-

рику, которая выпускает халтуру. Вчера я прочитала в нашей газете, что корреспондент Влад Жеребенко побывал на фабрике имени тореадора Эскамильо. Фабрика готовится выпускать первые в мире прыгающие калоши.

Тот, кому подарят их, может повторить мировой рекорд Ромки Линейкина.

ПРО КОГО И ПРО ЧТО НА КАКОЙ СТРАНИЦЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ. Человека обидели — 5.

*ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ. В однокомнатной квартире
Линейкиных — 13.*

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ. Вот это да! — 22.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. Еще не чемпион, но... — 39.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЯТОЕ. Завертелось, закружилось — 46.

*ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШЕСТОЕ. С милицией лучше
не ссориться — 58.*

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ. Калоши оставляют следы — 67.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ. Пока не поздно — 74.

*ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ, в котором героя награждают
дыркой от бублика — 84.*

Для детей младшего школьного возраста

Юрий Израилевич Альперович

**ЧЕБУРЕКИ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ ЛИНЕЙКИНА-СЫНА
В КАЛОШАХ БЕЗ ЗОНТИКА**

Редактор *М. В. Долотцева*. Художественный редактор *М. В. Таирова*. Технический редактор *Е. А. Ельская*. Корректор *Л. П. Королева*. Сдано в набор 13/III-69 г. Подп. к печ. 8/X-69 г. Форм. бум. 70×90¹/₁₆. Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 6,49. Изд. инд. ЛД-154. Тираж 100 000 экз. Цена 56 коп. в переплете. Бум. №1. 7-6-3. 333-69. Издательство «Советская Россия». Москва, К-12, пр. Сапунова, 13/15. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 92.

56 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ